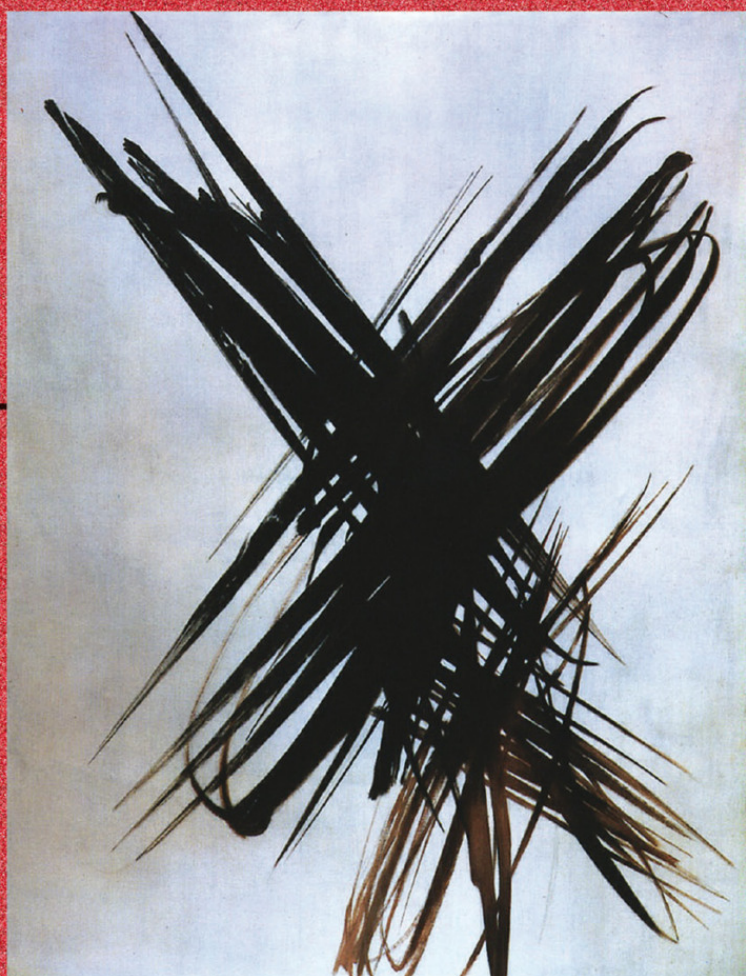

Александр Романович

ЛУРИЯ

классики психологии

Природа человеческих конфликтов

Классики психологии

Александр Лурия

**Природа человеческих
конфликтов: Объективное
изучение дезорганизации
поведения человека**

«Когито-Центр»

1930

УДК 159.9.072
ББК 88

Лурия А. Р.

Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека / А. Р. Лурия — «Когито-Центр», 1930 — (Классики психологии)

ISBN 978-5-89353-568-6

У книги А. Р. Лурии «Природа человеческих конфликтов» особая судьба. Написанная в 1930 году, эта книга выдержала три издания в США (1932, 1960, 1976), но до сих пор не публиковалась на русском языке. Несмотря на 70-летний «стаж», данную книгу нельзя рассматривать только как исторический документ. Ее тема – дезорганизация человеческого поведения, проблема взаимодействия воли, аффекта и поведения. Предпринята попытка рассмотреть психику в динамике, в единстве сознательных и неосознаваемых механизмов, в перспективе онто- и патогенеза. Разработанный для этих целей метод сопряженных моторных реакций – прообраз современного «детектора лжи». А. Р. Лурией был собран богатейший материал по конфликту аффективных процессов в разнообразных экспериментальных и естественных стрессовых ситуациях. Опыты проводились с детьми, студентами, преступниками и с людьми, имеющими психическую патологию. Итоги исследования позволили сформулировать целостный, системный взгляд на поведение человека, описать приемы преодоления деструктивных состояний, придать вес психологическому методу анализа нейродинамических процессов, увидеть связь между культурой и моторными реакциями человека. Все это позволяет надеяться, что данная книга будет прочитана не только как памятник психологической мысли, но и как блестящее экспериментальное исследование, ведущее к глубоким обобщениям и пытающееся ответить на целый ряд «вечных» вопросов. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 159.9.072

ББК 88

ISBN 978-5-89353-568-6

© Лурия А. Р., 1930

© Когито-Центр, 1930

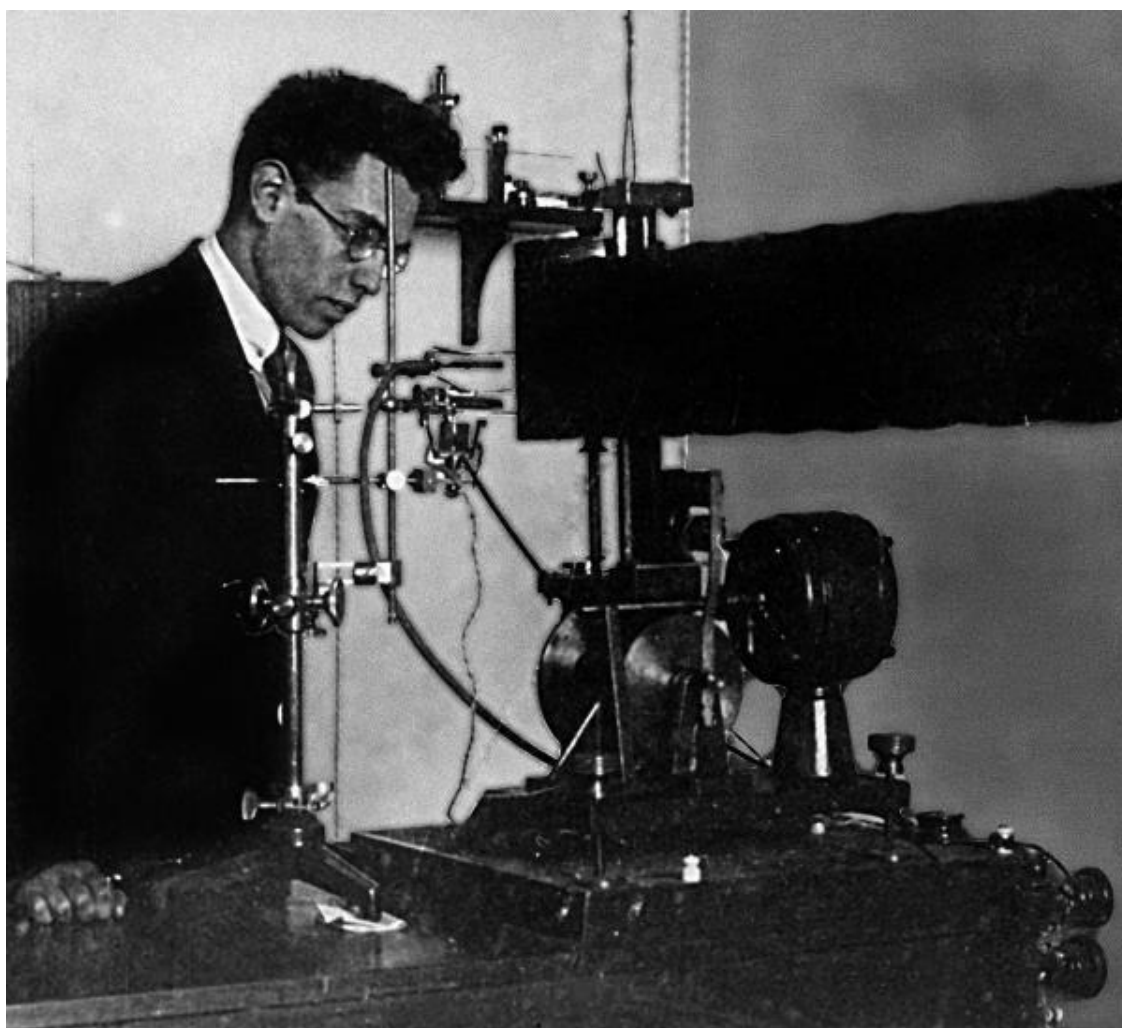
Содержание

Предисловие	7
Предисловие к первому американскому изданию	12
Предисловие автора к первому американскому изданию	13
Введение	15
Глава 1	15
1. Проблема организации и дезорганизации поведения	15
2. Пути исследования	21
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Лурия

Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека

*Столетию со дня рождения
Александра Романовича
ЛУРИИ
посвящается*

Под общей редакцией В. И. Белопольского
2-е издание, стереотипное

© «Когито-Центр», 2002
© А. Р. Лурия, 2002

Предисловие

Александр Романович Лурия (1902–1977) – признанный классик российской и мировой психологии, дважды доктор наук (по психологии и медицине), действительный член Академии педагогических наук СССР, иностранный член большого числа зарубежных академий (в том числе престижнейшей Национальной академии наук США), основоположник нового научного направления – нейропсихологии, автор десятков книг, переведенных на основные мировые языки.

При всем при этом книга, которую вы держите в руках, – во многих смыслах необычная книга с необычной судьбой. В 1929 году ее автор принял участие в проходившем в США (Нью Хэвен, штат Коннектикут) 9-м Международном психологическом конгрессе. Им был сделан доклад «Судьба и функция эгоцентрической речи», написанный в соавторстве с Л. С. Выготским. Этот доклад был построен на критике идей Жана Пиаже и намечал программу дальнейших исследований, опубликованных через пять лет в книге Л. С. Выготского «Мышление и речь» и принесших ему всемирную известность. Но, кроме доклада, А. Р. Лурия привез с собой и рукопись монографии, которую он надеялся опубликовать на английском языке. Эта монография была посвящена проблеме распада и организации человеческого поведения и включала как обширный экспериментальный материал, полученный в Государственном Институте экспериментальной психологии начиная с 1923 года, когда А. Р. Лурия впервые перешагнул его порог, так и детальное теоретическое обсуждение данной проблемы.

Хотя шансы на успех поиска издателя были минимальны (книга не была опубликована на русском языке, а стоимость перевода научных монографий обычно столь велика, что делает их издание заведомо убыточным), рукопись была принята для публикации. В пользу публикации книги Александра Романовича сыграло несколько факторов. Во-первых, он уже публиковал статьи на немецком и английском языках, так что его труды уже были в какой-то степени знакомы психологам за пределами СССР. Возможно, именно эти ранние публикации помогли ему заручиться поддержкой двух американских коллег, представлявших основные читательские группы, которым и была адресована данная работа. Одним из них был Хорейс Колен, известный психоаналитик. Другой – Герберт Лангфельд, экспериментальный психолог, питавший выраженный интерес к истории психологии и очень хорошо знавший немецкую психологию. Во-вторых, издательский дом Ливерайт незадолго до этого опубликовал «Лекции по условным рефлексам» И. П. Павлова, которые оказали исключительно сильное влияние на американскую психологию того времени, и переводчик трудов И. П. Павлова, Хорсли Гант, изъявил согласие перевести книгу А. Р. Лурии. В силу всех этих причин книга вышла в свет в 1932 году под невероятно длинным названием: «Природа человеческих конфликтов, или эмоции, конфликт и воля: Объективное исследование дезорганизации и управления человеческим поведением». Тем не менее до настоящего времени она так и не была издана на русском языке.

Причины, по которым книга не была издана на русском языке, я понимаю отнюдь не лучше того, почему она была-таки опубликована по-английски. Возможно, изданию на русском языке помешало то, что в книге имелись ссылки на работы Фрейда и Юнга и что ее автор был активным членом Русского психоаналитического общества. Может быть, причина была в нараставшем потоке критики в адрес развиваемого А. Р. Лурией вместе с Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым и их сотрудниками нового направления – культурно-исторической психологии.

Но, невзирая на те или иные причины и обстоятельства, данная монография с ее необычной историей должна вызвать самое пристальное внимание и принести существенную пользу российским психологам, поскольку является не только важнейшим историческим свидетельством становления традиций их собственной науки, но также работой, чьи теоретические идеи и методические разработки и по сей день отличаются своей глубиной и оригинальностью.

Обычно, когда обсуждают этапы становления российской психологии и самое начало научной карьеры А. Р. Лурии, часто отмечают, что в молодости он увлекался работами Фрейда (обстоятельство, которое сам Александр Романович отнюдь не афишировал в последующие годы). Однако в своей автобиографии (Этапы пройденного пути. – М: Изд-во МГУ, 1982) он сообщает некоторые подробности относительно своего интереса к Фрейду и Юнгу, особенно к их усилиям, направленным на создание объективных методов изучения нарушений психической деятельности. Были и другие аспекты психоаналитического подхода, которые также привлекали его внимание, включая попытки создать психологию, которая трактовала бы отдельную личность как системное целое, и желание оказать практическую помощь людям, не способным в силу своего заболевания вести полноценную социальную жизнь, но о них он лишь мимоходом упоминает в своей автобиографии. Эти интересы были чем-то большим, чем просто мимолетное увлечение. Между 1922 и 1927 годами он опубликовал в Международном журнале психоанализа (*Internationale Zeitschrift fur Psychoanalyse*) более десятка заметок, сообщавших о работе Русского психоаналитического общества, а также касавшихся его идей о взаимосвязи между одеждой и личностью у мужчин и женщин и приложения взглядов Фрейда к психологии групп. Он опубликовал также на русском языке статью и небольшую книжку, посвященные психоанализу¹.

Знание этих фактов биографии А. Р. Лурии будет полезно при чтении данной монографии, поскольку изложенное в ней исследование в значительной степени мотивировалось его неудовлетворенностью методом свободных ассоциаций, который был введен в психоаналитическую практику К. Юнгом и получил широкое применение в терапевтической практике. В своей автобиографии он указывает, что попытки применить метод свободных ассоциаций к изучению причин психических нарушений у госпитализированных больных привели его к выводу, что этот метод весьма ненадежен и оставляет слишком большой простор для субъективного толкования. Подобный вывод прямо подтолкнул его к открытию нового методического подхода, а именно метода сопряженной моторики, который лег в основу большинства экспериментов, описанных в первых двух разделах данной книги.

Вторая причина того, что эта книга интересна с исторической точки зрения, заключается в том, что она ясно показывает основные вехи и логику пути, который прошел А. Р. Лурия, пытаясь соединить свой первоначальный интерес к холистической и практической психологии, вдохновленный работами немецких психологов с культурно-исторической психологией, развиваемой им в творческом сотрудничестве с Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым². Третий раздел книги сильно отличается от первых двух как по стилю, так и по содержанию и, по сути, может рассматриваться как введение в культурно-историческую психологию, предлагая читателю довольно обширный материал по «культурному развитию ребенка». Часть этого материала вошла в серию из трех статей, опубликованных в США, в *Journal of Genetic Psychology* между 1928 и 1932 годами (одна из них – в соавторстве с Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым).

Хорсли Гант в своем предисловии переводчика к первому американскому изданию указывает на это изменение стиля и содержания в странной манере, свидетельствующей о том, что он не понял ее принципиального значения. Он пишет:

«Я сделал тщательный перевод собственно экспериментальных работ, без каких-либо изменений или пропусков. Однако, принимая во внимание большой объем книги, я иногда сокращал фрагменты, посвященные

¹ Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм / Под ред. К. Корнилова. — М., 1925; Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии. Обзор. — Казань, 1923.

² Интересно отметить, что А. Н. Леонтьев был также соавтором двух наиболее важных статей, посвященных результатам экспериментов по методике сопряженной моторики.

обсуждению результатов; главу 9 и особенно главу 12 я пересказал достаточно вольно, не стараясь строго следовать стилю автора (р. VIII)».

Сравнение русского и английского текстов ясно показывает, что Гант не смог понять важности совершенного А. Р. Лурией перехода от изучения организации и дезорганизации поведения взрослых людей (имеющих органическую травму, находящихся в состоянии конфликта и т. п.) к изучению развития психологических функций у детей. Это подтверждается не только фактом ущерба, который он нанес оригинальному тексту своими пересказами и сокращениями, но и тем, что он не смог определить центральную роль понятия (и стоящего за ним процесса) *опосредования*, для перевода которого использовал несколько разных терминов, что могло только ввести в заблуждение англоязычную аудиторию.

Для российского читателя будет значительно проще уловить тесную взаимосвязь между используемым А. Р. Лурией в исследованиях дезорганизации поведения у взрослых людей понятием «функциональный барьер» и становлением организованного поведения детей через развитие функциональных барьеров. У здоровых взрослых людей функциональные барьеры управляют распространением нервного возбуждения, и их отсутствие призвано объяснить трансформацию дифференцированного, целенаправленного поведения в поведение диффузное и дезорганизованное. Коротко говоря, речь идет об усвоении «культурных навыков поведения», когда поведение опосредуется культурой, включающей, конечно же, и язык, помогающий детям сформировать функциональные барьеры. Таким образом, данная книга представляет интерес с исторической точки зрения еще и тем, что позволяет понять становление нового этапа научного познания, стремящегося включить отдельные неврологические, поведенческие, возрастные и социокультурные феномены в рамки единой концептуальной схемы.

Этот раздел книги помогает также прояснить взаимосвязь между идеями психологов, разрабатывавших культурно-исторический подход, и ортодоксальных последователей учения И. П. Павлова, которым первые вынуждены были подчиниться в период инспирированной Сталиным «павловизации» психологии в начале 1950-х годов. А. Р. Лурия весьма недвусмысленно высказывался против идеи, что психическая деятельность человека может быть объяснена через механическое комбинирование элементарных процессов торможения и возбуждения, хотя в то же самое время он полностью признавал реальность и важность этих базовых нервных процессов.

После выхода в свет книга А. Р. Лурии «Природа человеческих конфликтов» получила широкий резонанс и ей было посвящено значительное число рецензий. Хотя в то время психология уже успешно утверждала себя в Европе и США как самостоятельная научная дисциплина, вопрос о том, какого типа наукой она должна быть, все еще оставался предметом обсуждения. Рецензенты быстро распознали, что книга А. Р. Лурии не походит ни на какое из известных им исследований, и все они в целом положительно оценили тот факт, что строгие экспериментальные методы находят свое эффективное применение для изучения сложных психологических функций и психиатрических синдромов. Как отметил один из рецензентов,

«...После серии экспериментов, приведенных в логической последовательности с постепенным углублением поставленных вопросов, и после того, как начинаешь понимать, что автор использует свои графические данные просто для демонстрации симптома, который должен помочь в раскрытии содержания чисто психологических феноменов, неожиданно наступает ясное осознание того, что строгие экспериментальные результаты, полученные в лабораторных условиях, на самом деле позволяют получить достоверную информацию о сложных проблемах динамики личности в процессе деятельности» (Myers, 1933, p. 1361).

Российские читатели, безусловно, хорошо знакомы с идеями культурно-исторического, деятельностного подхода к психике человека, который развивался в России на протяжении последующих десятилетий. Психологи уже больше не используют кимографы для регистрации моторных реакций, а возможности современных средств отображения мозговых процессов неизмеримо выше, чем то, что было доступно для этих целей в 1920-е годы. Поэтому важно также, помимо исторического значения данной книги, рассмотреть ее вклад в науку с современных позиций.

На мой взгляд, «Природа человеческих конфликтов» сохраняет свою научную значимость и по настоящее время, поскольку дает методологически адекватный ответ на один из центральных вопросов психологии, а именно: как можно узнать, о чем думает другой человек? Ответ содержится в результатах огромного количества экспериментов, проведенных по методу сопряженной моторики – *избирательном* разрушении культурно опосредованных, координированных человеческих взаимодействий. Подобная исследовательская стратегия была предложена еще до А. Р. Лурии, и он хорошо знал работы своих предшественников, но его не удовлетворяли те конкретные методы, которые они использовали в своих экспериментах: «...Всякие попытки изучить структуру аффективной дезорганизации поведения без изучения судьбы и изменений самого поведения начинают казаться нам довольно бессмысленным начинанием...» (глава 1). Он начисто отрицал физиологический редукционизм.

Вместо физиологических индикаторов эмоций А. Р. Лурия ищет и находит поведенческие индикаторы. Ему были совершенно ясны те свойства, которыми должна обладать система, несущая информацию о протекании внутренних процессов.

«...Мы должны, с одной стороны, вызвать центральный процесс дезорганизации поведения, с другой – попытаться отразить этот процесс в какой-нибудь доступной для изучения системе; такой системой, объективно отражающей структуру скрытых от непосредственного наблюдения нейродинамических процессов, прежде всего является *моторика*, и мы используем моторику как систему, отражающую структуру скрытых психологических процессов; таким образом, мы принимаем *сопряженную моторику* в качестве нашей *основной методики* (с. 33)».

Я оставляю читателю возможность самостоятельно познакомиться со всеми приемами и способами, посредством которых А. Р. Лурия реализовывал свой метод; его по праву можно считать изобретателем, которому удалось соединить юнгковский метод свободных ассоциаций с поведенческими и психологическими измерениями. Я лишь хочу просто указать на одну характеристику, присущую всем без исключения вариациям этого метода, – на его зависимость от установления исходного уровня высоко *координированных, произвольных* действий, *опосредованных культурными артефактами* и *интерсубъективно распределенных* между психологом и испытуемым. Именно эти условия координации позволяют интерпретировать те случаи, когда происходит сбой в системе координации (то есть поведение дезорганизуется), как критические сигналы о том, что думает другой человек.

Методический подход, изобретенный А. Р. Лурией почти восемь десятилетий назад и сформулированный здесь в достаточно абстрактной форме, и по сей день остается на уровне современных требований и не потерял своей привлекательности для психологов. Эта книга все еще широко цитируется в литературе по судебной психологии, служа методологической основой для обнаружения лжи. В целом же этот методический подход нашел широкое применение при изучении когнитивного развития в младенческом возрасте, когда отсутствует возможность спросить испытуемого, о чем он думает. Например, Джером Брунер с коллегами сделали попытку расширить наше представление о познавательных способностях младенцев. Они сконструировали аппарат для регистрации сосательных движений младенцев с пустышкой

во рту, реагирующих на зрительные стимулы. Индивидуальные паттерны сосания настолько стабильны и индивидуальны, что Брунер предлагает рассматривать их как некую разновидность личной подписи. Как только этот стабильный уровень установлен, избирательные нарушения сосания становятся тем критическим сигналом, по которому можно судить о способностях ребенка обобщать, узнавать и думать о предъявляемых ему экспериментатором объектах и ситуациях.

Я вместе с моими коллегами адаптировал методику А. Р. Лурии для изучения детей, имевших необычные трудности при обучении чтению (Коул, 1997, с. 304 ff). Для этого мы создали координированную систему деятельности, опосредованную текстом. Избирательные нарушения отдельных составляющих процесса чтения служили тем диагностическим критерием, по которому мы судили о наличии «скрытых мыслей» детей, связанных с включением их в процесс чтения.

Подобные примеры можно было бы расширять и умножать. Книга «Природа человеческих конфликтов» продолжает регулярно цитироваться англоговорящими психологами, несмотря на ее почтенный возраст и качество перевода. Причина, по которой она сохраняет свое значение, была, по-видимому, распознана одним из первых рецензентов, который продирился через далекий от совершенства перевод: «Чтение серьезной научной книги является чем-то вроде рукопашной схватки за каждую страницу, чтобы строчка за строчкой реконструировать смысл изложенного. Но если вам удалось завершить эту битву, ваша головная боль уйдет, уступив место истинному восхищению» (Stolberg, 1932, p. 7).

Российская психология, без сомнения, только выиграет от того, что книга одного из ее классиков впервые станет доступна в оригинале.

Литература

- Коул М. (1997) Культурно-историческая психология. – М.: Когито-Центр.
- Myers C. R. (1933) Review of *The Nature of Human Conflicts* // *American Journal of Psychiatry*, 89, 1360–1363.
- Stolberg B. (1932) Review of *The Nature of Human Conflicts* // *New York Post*, 24 September.
- Лурия А. Р. (1923) Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии. Обзор. – Казань.
- Лурия А. Р. (1925) Психоанализ как система монистической психологии // *Психология и марксизм* / Под ред. К. Н. Корнилова. М. – Л.

Майкл Коул
Сан-Диего, США, 2001 г.

Предисловие к первому американскому изданию

Имеется несколько причин, особо благоприятствующих публикации книги нашего московского коллеги на английском языке. Во-первых, в ней представлено направление, в рамках которого реализован переход русской экспериментальной психологической школы к исследованиям в клинической области и которое мало известно в англоязычных странах. Поэтому мы должны поблагодарить автора, переводчика и издателя за возможность ознакомиться с работой, проливающей новый свет на многие проблемы. Профессор Лурия предлагает нам истинно психобиологический подход, не страдающий неврологическими тавтологиями, который содержательно очень близок работам Лешли и других американских исследователей, но нацелен именно на человеческие проблемы. Он показывает значительно большую эффективность лабораторных методов применительно к человеку, чем обычно признается в нашей среде, без каких-либо уступок в пользу физиологических понятий. Другим впечатляющим аспектом данной работы является сочетание практического подхода и совершенно четкой методологической перспективы, учитывающей специфику культурной и политической жизни, на которую мы очень часто ссылаемся в качестве предлога для отказа от чисто научных программ.

В силу этих причин мне особенно приятно выразить глубокую благодарность и признательность автору книги и представить вам результаты этой необычайно изобретательной экспериментальной и методологической работы, которые показывают, что невозможно добиться чего-то нового и значительного в области психиатрии, если односторонне опираться лишь на психиатрическую практику.

Адольф Мейер
Балтимор, май 1932 г.

Предисловие автора к первому американскому изданию

Работа, которую автор предлагает американскому читателю, представляет результат экспериментально-психологического исследования, проведенного в Москве в лаборатории Государственного Института экспериментальной психологии за время с 1923 по 1930 год.

Основная задача, которая стояла перед автором все годы экспериментов, заключалась в том, чтобы дать объективное, материалистическое описание механизмов, лежащих в основе дезорганизации человеческого поведения, и подойти к экспериментальному решению вопросов о законах его регуляции.

Первая из этих задач толкнула автора на то, чтобы заняться внимательным изучением широкого круга явлений, в которых дезорганизация поведения человека проявляется особенно явно. Проблема разлитого аффекта, проблема травмы и невроза явились здесь первыми, с которыми автору пришлось столкнуться в своих экспериментах; анализу этих состояний и описанию симптомов, характеризующих как острый, разлитой аффект, так и остаточные аффективные следы, посвящены первые главы этой книги.

Изучение материала аффекта и неврозов и их психофизиологических механизмов привело автора к мысли, что аффективная дезорганизация человеческого поведения связана в первую очередь с центральным фактором – с нарушением человеческой активности – и уже отсюда – с глубоким изменением всей системы психологических функций, благодаря которому в состоянии аффекта их место и взаимоотношения между ними коренным образом изменяются. Для проверки этого положения автору необходимо было встать на путь искусственного создания аффектов и моделей «экспериментальных неврозов», которые позволили ближе подойти к анализу лежащих в основе дезорганизации поведения внутренних закономерностей. Опыты с искусственными конфликтами, которые изложены во второй части этой книги, были попыткой подойти к психологической структуре и динамике аффекта и возможно ближе вскрыть определяющую его механику.

Несмотря на то, что на протяжении всей книги ее материал является психофизиологическим, автор, однако, все время остается психологом. Это сказывается в его основных установках, с которых начинается книга и которым посвящены третья и последняя ее части. Автор исходит из основной мысли, которую он склонен проводить и в других своих работах; эта мысль сводится к тому, что сложные формы организации и дезорганизации человеческого поведения ни в какой степени не могут быть объяснены простой игрой примитивных нейрофизиологических процессов, что никакие процессы элементарной нейродинамики не смогут объяснить тех высших форм организации поведения, которая специфична для человека как социального существа. Автор склонен скорее думать, что сами особенности элементарной нейродинамики, которую мы наблюдаем у человека, становятся понятными лишь исходя из анализа тех высших форм организации поведения, которые связаны со сложнейшими, культурно созданными психологическими функциями, примером которых может служить трудовое поведение, речь, сложные опосредствованные операции. Включение нейродинамики в систему таких высших психологических функций и создает ту специфическую ее организацию, которая служит во многом ключом к особенностям поведения человека.

Желание изучить развитие этих высших форм регуляции человеческого поведения с необходимостью привело сначала к генетическим опытам, имеющим целью проследить механизмы регуляции поведения в раннем детском возрасте, а затем и к специальным опытам на патологическом материале, в которых задачей автора было создать модель этих регуляций в

экспериментальной ситуации и таким путем выявить основные механизмы, служащие человеку для овладения своим собственным поведением. Этому посвящена третья часть работы.

В описании этих последних серий экспериментов автор пытается раскрыть свое психологическое мировоззрение с максимальной отчетливостью; оперируя аффектами, комплексами, конфликтами, экспериментально выявляя их психофизиологические механизмы, автор еще ни в коей мере не становится на позиции психоанализа; занимаясь, по существу, объективным анализом психофизиологической структуры дезорганизации и организации психического аппарата, он еще не примыкает к числу бихевиористов и меньше всего идет по пути выведения законов высшего поведения из элементарных нейродинамических процессов.

Автору кажется, что сложнейшая проблема высших форм организации человеческого поведения будет разрешена не на путях динамики влечений и не путем анализа условно-рефлекторных связей, имеющих место в нервной системе; к разрешению этой проблемы мы перейдем лишь тогда, когда с наибольшей тщательностью будут описаны те специфические, созданные в процессе социально-исторического развития приемы поведения, которые являются отличительными особенностями человека и без которых остается непонятной даже организация его высшей нейродинамики. Решая эти задачи, автор пытался исходить из тех принципиальных позиций, на основе которых строится современная советская психология.

Автор особенно хотел сделать эту книгу возможно более легкой для чтения и интересной; однако значительный материал и экспериментальный характер работы явились почти непреодолимыми препятствиями для выполнения этой задачи. Поэтому автор считает своим особым долгом отметить здесь, насколько высоко он оценивает готовность издателя Х. Ливерайта выпустить эту книгу, несмотря на все трудности, связанные с ее изданием.

Мне особенно лестно, что такой авторитетный психолог, как профессор Хорсли Гант, взял на себя трудную и неблагодарную работу перевода этого исследования на английский язык; без его участия я навряд ли мог бы рассчитывать познакомить американского читателя с занимавшими меня все эти годы сериями экспериментов.

Мне остается выразить здесь мою самую искреннюю признательность профессору Хорейсу Колену и профессору Герберту Лангфельду, без участия которых не могло бы осуществиться американское издание этой книги.

Александр Лурия
Москва, январь 1931 г.

Введение

Глава 1

Проблема дезорганизации поведения

1. Проблема организации и дезорганизации поведения

В этой работе мы будем исследовать дезорганизацию человеческого поведения, механизмы его распада и восстановления. Совершенно понятно, что мы не первые на этом пути, поэтому возникает настойчивая необходимость определить свои методологические позиции, показать, на какой круг концепций мы опираемся и с какими из прежних работ расходимся.

Наша работа должна начинаться с установления основных подходов к человеческому поведению, с установления терминологии и исходных принципов.

Мы живем в такую эпоху развития науки, когда правильная и полноценная работа возможна только в том случае, если термины и понятия строго соответствуют тому, что мы хотим ими выразить; мы знаем многих авторов, труды которых кончились неудачей, потому что новые мысли были скованы старыми и неадекватными способами мышления; примитивные концепты являлись здесь непреодолимой преградой для развития знания. Мы знаем и десятки других работ, в которых новые термины не опирались ни на какие новые представления и являлись привесками старых истин, не требующих выхода за пределы старых и всеми принятых терминов.

Слова выражают вполне определенные понятия, и если автор желает успеха своей работе, он прежде всего должен потрудиться, чтобы в ее основе лежали продуманные методологические концепты, выраженные в таких же продуманных словах.

Мы должны начать нашу работу с защиты основного для нее понятия «организация» и раскрытия тех принципиальных положений, которые мы мыслим под этим термином.

XIX в. внес значительные перемены в стиль и содержание научного мышления; огромный успех производственной техники, с одной стороны, и научной техники – с другой, укрепил надежду, что сложнейшие формы деятельности человека можно легко объяснить аналогией с машиной и что уже близко то время, когда важнейшие процессы жизнедеятельности будут поняты нами как механизмы машины значительно более сложной, чем машины, сделанной рукой человека, но построенной по точно таким же принципам.

Было бы интересно проследить всю историю естествознания XIX в. как историю аналогий, которые создавались исследователями, историю тех моделей, которые принимались за основу построения идеи о формах и механизмах жизнедеятельности человека. Эта история вскрыла бы неожиданно много наивных корней человеческого мышления, и действительно нет более увлекательной области, чем история научных идей, изложенная как история наивной философии.

Пожалуй, ярче, чем где-либо, эти наивные представления, это желание положить в основу науки несложные аналогии с известными, по возможности искусственными вещами, проявилось в истории учения о нервной системе и поведении.

Идея нервной системы как сложнейшей системы ряда отдельных аппаратов, действующих благодаря очень тонкой и подвижной связи, подобной той, которая совершается на телефонной станции, была положена в основу теории нервной деятельности почти с ее самых первых научных шагов, а во второй половине XIX в. казалось, что секрет этой сложной машины

уже почти до конца понят. Мне вспоминается старинный формуляр, на котором писались истории болезни в психиатрических учреждениях того времени. На заглавном листе его неизменно фигурировала пестро раскрашенная карта мозга, и ведущий больного врач должен был заносить на нее с возможной точностью те поражения, которые «лежали в основе болезни».

Модель телефонной станции, блестящую критику которой недавно дал К. *Лешли*³, упорно лежала в основе неврологического мышления почти до самого последнего времени. Вместе с ней в основу неврологических построений лег ряд понятий, привлекаемых каждый раз, когда речь заходила о ведущих законах поведения человека.

В самом деле, если весь нервный аппарат состоял из отдельных нейронов и мозг являлся не чем иным, как сосредоточием их и тех проводов, которыми они связывались, то и все законы поведения неизбежно должны были быть сведены к *тем законам, которые были уже указаны отдельного нейрона*. Все поведение могло быть понято лишь как *сохранение равновесия между отдельными аппаратами нервной системы*, его патология – как распад этого равновесия.

Здесь мы сразу вступаем в круг основных понятий, которыми оперировала почти вся современная психоневрологическая наука и которые неизбежно возникают из аналогии, принятой ею за основу.

Главными процессами, которые можно констатировать в каждой нервной клетке, являлись процессы возбуждения и торможения; именно они и переносились на весь организм, и виднейшие объективные школы в психоневрологии стремились истолковать каждый процесс поведения в терминах возбуждения и торможения. В каждый данный момент одни клетки нервной системы возбуждены, другие находятся в инертном состоянии, третьи заторможены. Нормальное поведение человека и следует рассматривать как сохранение известного равновесия между тормозными процессами и процессами возбуждения; в патологических случаях именно это равновесие нарушается, и отклоняющееся от нормы поведение есть, прежде всего, поведение, которое характеризуется преобладанием торможения или возбуждения⁴.

Можем ли мы выразить все формы организации и дезорганизации человеческого поведения в терминах возбуждения и торможения? Является ли эта концепция адекватной тем явлениям, анализу которых психоневрология человека посвящает особое внимание? Изучение поведения человека в его нормальном и патологическом состоянии неизбежно сеет у нас сомнения в пригодности этих фундаментальных понятий.

Возьмем самый простой пример. Перед нами афазик, у которого нарушены сложнейшие функции речи и символической деятельности. Присмотримся к его поведению. Первое, что нам бросится здесь в глаза, – это его необычайная растерянность. Человек, стоящий перед нами, оказывается не в состоянии образовать самое простое намерение, организованно выполнить несложную цепь действий. Предложение воспроизвести какую-нибудь сложную ситуацию приводит его в замешательство, более сложные задачи вызывают отказ и полный распад поведения.

Можно ли этот случай выразить в терминах торможения – возбуждения? Можно ли сказать, что здесь преобладают тормозные процессы, или что распад характеризуется здесь повышенным возбуждением? Мы находимся в величайшем затруднении, желая выразить имеющийся перед нами факт в подобных терминах, они кажутся нам понятиями, взятыми из совершенно другой плоскости и просто неподходящими к тому, что мы хотим анализировать.

Быть может, однако, мы пошли по неверному пути, пытаясь одной формулой выразить всю сложную систему поведения? Быть может, здесь правильнее было бы предположить тор-

---

³ Lashley K. S. Basic neural mechanisms in behavior // Psychological Review, 1930, 37.

⁴ Павлов И. П. Лекции о работе больших полушарий. – М., Гиз, 1927.

можение одних участков и функций и возбужденное состояние других? Не является ли описанная нами картина поведения афазика сложной мозаикой торможения и возбуждения?

Однако и это предположение не выводит нас из затруднений. Мы заранее выражаем сомнение, что нам удастся понять организацию поведения, исходя из попыток установить соотношения между состоянием отдельных «нервных приборов» и прослеживая равновесие отдельных частных систем. Нам кажется бесспорным другое положение, и именно его мы хотим сделать исходным для всех наших построений.

Структура организма предполагает отнюдь не случайную мозаику, а сложную *организацию* отдельных систем. Эта организация выражается прежде всего в *функциональном соотношении* этих систем, в том, что они входят друг с другом не в те или иные случайные сочетания, а как вполне определенные части в единую функциональную структуру. Основной чертой всякой структурной организации поведения является *функциональная неравноценность* отдельных входящих в нее систем; одни системы выделяются как ведущие, *регулирующие*, другие – как подчиненные, реализующие те или иные функции. Совершенно понятно, что значение их в системе организации совершенно неодинаково и что всю деятельность организма можно понять лишь как *динамическую систему, обусловленную деятельностью ее ведущих частей*. Трудно выразить эту систему в терминах торможения – возбуждения; значительно более адекватными являются здесь понятия *организации* и *дезорганизации*, регуляции и распада системы поведения, и в них мы видим несравненно большую возможность понять динамику поведения, чем если мы будем подходить к ней с механическими концептами, которые мы описали выше.

В самом деле, насколько понятнее будет для нас поведение афазика, если мы попытаемся выразить его в терминах организации – дезорганизации и будем исходить из только что изложенной нами концепции! Наличие распада и дезорганизации именно в этом случае будет для нас совершенно понятным. Коре и особенно высшим ее отделам издавна приписывались *регулирующие* функции; именно эти функции в ряде специальных исследований (на них мы еще остановимся особо) были установлены в речи и символической деятельности; именно поэтому речь и высшие психологические процессы выделялись как играющие в поведении особую, регулирующую и ведущую роль. Совершенно понятно, что поражение их должно было вызвать не частичное выпадение определенных процессов, а нарушение всей системы поведения, которая оказалась не в состоянии работать при выпадении ведущей, регулирующей системы. Та растерянность, которую мы наблюдаем у афазика, та неуверенность, которая проявляется во всякой его активной деятельности, та дезорганизация поведения, которую так блестяще описывает Хэд⁵, — все это становится нам понятным, если мы взглянем на нервно-психический аппарат не как на систему отдельных частных «приборов», которые могут тормозиться или возбуждаться, а будем исходить из концепции организации поведения, связанной с выделением ведущих, регулятивных систем.

Организация и дезорганизация человеческого поведения, их условия, законы и формы становятся, таким образом, центральными проблемами психоневрологии, и те исследования, которые в течение ряда лет занимали наше внимание, примыкают именно к этой главе науки о личности.

Мы указали исходный принцип, лежащий в основе нашего исследования, однако мы тут же должны сделать реальные шаги по пути его конкретизации.

Концепция «организации» в известной степени противоположна механистической концепции организма как равновесия составляющих его частей, и в этом – залог того, что она может оказаться адекватной для наиболее сложных процессов в человеческом поведении; однако она останется пустой до тех пор, пока мы не вложим в нее четкого, конкретного содержания.

⁵ Head H. Aphasia and kindred disorders of speech, vol. I–II, – Cambridge Univ. Press, 1928.

В самом деле, понятия «структура» и «организация» проникают во всю новейшую психоневрологию; с ними связаны наиболее передовые идеи, и *В. Келер* и *К. Коффка*, *М. Вертгеймер*, *К. Гольдштейн*, *К. Леили*, *Чайлд*, *Риттер* и др. отправляются в своих трудах именно от этой концепции.

Однако у нас возникает ряд опасений, которые мы должны с полной ясностью осознать в начале нашей работы.

Понятия «организация» и «распад» еще не раскрывают тех механизмов, которые лежат в их основе, и самые разнообразные динамические соотношения могут скрываться за ними. История научной мысли показывает, что два методологически ложных построения могут быть легко связаны с принципом организации. Первое из них заключается в *универсализации* этого принципа. Приняв его за основу, легко можно увидеть в нем некий всеобщий принцип, который равно проявляется и в механике, и в физике, и в нервно-психической и общественной жизни. Ряд авторов пошли по пути универсализации этого принципа; логическим следствием этого пути явилось желание свести сложные формы организации поведения к всеобщим законам, которые можно наблюдать в физике. Физикализм ряда психоневрологов, утверждающих, что приблизительно аналогичные законы регулируют и сложные формы поведения, и напряжение в физическом поле, – этот физикализм, конечно, не может вскрыть того богатства соотношений, тех специфических функций, которые нельзя найти нигде, кроме как в человеческом поведении, и без которых оно остается недоступным для понимания. Именно расширение принципа организации до всеобщего закона неизбежно поведет нас к игнорированию и непониманию основных особенностей человеческой нейродинамики, и высшие и специфические формы поведения всегда останутся вне поля зрения «физикалиста». Обратную опасность представляют те взгляды, которые связывают принцип организации с *виталистическими* построениями. Нужно ли говорить, что именно эти построения, считающие высшие формы организации продуктами некой специальной силы, закрывают всякие возможности к научному исследованию механизмов этой организации и заменяют его анализ указанием на некую новую сущность, темную и не подлежащую анализу. Нас ни в коей мере не должно смущать, что лучшие умы часто делали ошибку именно в этой части пути⁶ и что, отправляясь от принципа интегральной деятельности организма, они приходили к признанию новой и специфической силы, осуществляющей эту интеграцию. Ошибка не вырастает здесь из ложности принципа; она указывает лишь на дефекты методологии.

Мы исходим из того положения, что в организации поведения так же мало проявляются некие всеобщие законы, как и включение какой-нибудь особой жизненной силы. Организация поведения взрослого человека является продуктом довольно сложного и длительного развития. Формы организации поведения, проявляемые на первых этапах этого развития, совершенно иные, чем те формы организации, которыми отличается поведение взрослого, и мы скорее можем сказать, что развитие идет по пути *преодоления, снятия первичных закономерностей*, чем по пути повторения их в своих новых этапах.

Проблема организации человеческого поведения сводится, как нам кажется, к проблеме развития, и только наметив основные его пути, мы можем подойти к пониманию механизмов, лежащих в основе деятельности человеческой личности.

Материал, который лежит в основе этой книги (и подробно изложен в ее третьей, заключительной части), позволяет нам думать, что генезис организованного человеческого поведения *идет по пути развития и включения все новых регулятивных систем*, которые преодолевают первичные формы поведения и переводят их ко все новым и более совершенным системам организации.

---

⁶ См.: *Monakow C., Murgue R. Introduction biologique a l'etude de la neurologie et de la psychopathologie.* – Paris, Alcan, 1928.

Есть все основания полагать, что первичные формы организации поведения, характеризующиеся подкорковым типом активности, совершенно трансформируются в процессе дальнейшего развития и к зрелому возрасту уже в значительной степени перестают играть актуальную и ведущую роль в обычном поведении. Эта замена одного типа поведения другим связана с развитием новых регулятивных систем, вступающих в конфликт с примитивной подкорковой активностью и преодолевающих ее, создавая все новые формы организации.

Эти новые формы организации вовсе не ограничиваются, как думают многие авторы, развитием торможений и сдерживающим влиянием коры на подкорковую активность; развитие нейродинамики с детского возраста и до взрослого сводится к постепенному преодолению первичной диффузности в деятельности нервной системы и выработке новых организованных форм поведения. В этом процессе высшим кортикальным механизмам принадлежит не только отрицательная роль; именно благодаря их участию в поведении включаются те ведущие системы, которые переводят организацию поведения на все более и более высокие этапы и создают новые, до тех пор не существовавшие формы организованного поведения.

Развитие ребенка сводится не только к торможению первичных форм деятельности нервной системы; оно идет по пути *все большего развития регуляций*, которое начинается с примитивных форм инстинктивного приспособления и с помощью развития высших психологических механизмов приходит к сложнейшим формам овладения своим поведением. Включение в поведение ребенка сначала сложных органических, а затем и высших культурных систем обуславливает новые формы организации; это понятие совершенно теряет для нас скольнибудь универсальный характер и вместе с тем отнюдь не нуждается в предположении о какой-то стоящей за ним жизненной силе. В совершенно конкретном анализе организация поведения мыслится нами как функция определенных регулятивных систем, неодинаковых на различных этапах развития поведения и вполне доступных для научного анализа.

Если в рассмотрении принципов, лежащих в основе организованного поведения, мы исходили из идеи развития и структурного построения поведения, различного на разных фазах развития, то эта идея не должна нас оставлять, когда мы переходим к изучению дезорганизации поведения человека.

Одна черта оказывается характерной почти для всех работ, в которых делаются попытки изучить особенности дезорганизованного человеческого поведения. Если авторы, изучавшие поведение человека, который находится в нормальном состоянии, всегда стремились понять общую структуру этого поведения, то эту задачу они сразу оставляли, когда переходили к изучению таких процессов, как аффект, конфликт, невроз. Изучить здесь некоторые структуры, найти закономерности хаоса казалось, конечно, делом значительно более сложным, иногда невыполнимым, еще чаще бессмысленным; утверждая, что «аффект есть болезнь духа», большинство авторов не решались рассматривать его как форму поведения, имеющую свои закономерности, и удовлетворялись простым описанием отдельных состояний такого распада.

Когда наука дошла до возможности объективно изучать психологические явления, дело на этом участке исследований перешло в новую фазу, но принципиально не улучшилось. Положительно настроенные авторы решили, что говорить о дезорганизации поведения как о предмете психологии довольно трудно и, когда человек «теряет равновесие», поведение подпадает под власть некоторых физиологических процессов, утрачивая свой специфически психологический организованный характер. Сам аффект, или невроз (еще сильнее это выражено при психозе), начал рассматриваться как явление физиологическое (или патофизиологическое). Изучая его, считали совершенно достаточным описать отдельные физиологические симптомы, которыми он характеризуется, и теория эмоций *Джемса – Ланге* была теоретическим оправданием такой капитуляции психологического исследования и передачи всей области аффектов чисто физиологическому изучению.

Совершенно понятно, что, пойдя по такому пути, наука, собственно, лишилась *теории дезорганизованного поведения*, которая на много лет была подменена описанием физиологических симптомов дезорганизации. Ни *В. Вундт*, ни *К. Леман*, ни позднейшие их продолжатели, собственно, не миновали этого тупика, и исследователю, пытающемуся теперь работать в этой области, приходится строить если не на пустом, то во всяком случае на еще очень слабо загрунтованном месте.

Преодоление симптоматологической точки зрения на аффекты и дезорганизацию поведения пришло от самой физиологии. Работами *У. Кеннона*⁷ было доказано, что наличие отдельных физиологических симптомов еще ни в коей мере не исчерпывает аффекта и что для объяснения его должны быть привлечены некоторые целостные функции организма. В самой постановке проблемы *У. Кеннон* указал, что аффект может быть понят лишь как функция *поведения* животного и что его структура не может быть совершенно изучена вне тех структурных отношений, которыми характеризуется поведение животного в конкретной ситуации и которые вызывают в коре (а через нее и в подкорковом аппарате) совершенно определенные конфигурации возбуждения. С иной стороны подошел к этой же проблеме другой крупнейший физиолог – *И. П. Павлов*. Его опыты⁸ с блестящей ясностью показали, что аффект не является совершенно специфичным состоянием, характеризующимся постоянными и всегда определенными симптомами. Самый аффект может быть понят лишь из всего поведения животного, он является продуктом этой деятельности, результатом определенных нарушений в поведении. *Павлов* получал неизменно резкие аффективные «срывы» и острую дезорганизацию поведения каждый раз, когда условно-рефлекторная деятельность животного вступала в состояние конфликта, когда животное оказывалось не в состоянии осуществить две взаимно исключающие друг друга тенденции или оказывалось неспособным адекватно ответить на какую-нибудь императивную задачу.

В обоих этих случаях – в работах *Кеннона* и *Павлова* — исследователи впервые взглянули глубже на аффект как на дезорганизацию поведения и, выйдя из пределов описания отдельных его симптомов, со всей серьезностью поставили вопрос о его возникновении, механизмах, динамике.

Если аффект оказывался стоящим в зависимости от судьбы общей активности организма и появлялся, когда с этой активностью что-то случалось, то совершенно понятно, что к его изучению можно было подойти с другими методами и другими концепциями, чем те, которые прилагались к нему описывавшими отдельные физиологические симптомы исследователями. На место прежних попыток, рассматривавших аффективные явления *наряду* с другими явлениями психологической жизни (интеллектом, волей), выдвигалась концепция, смотревшая на аффект как на одно из *следствий человеческого поведения*, как на изменения, испытываемые человеческой деятельностью; вместе с этим в исследования с необходимостью вносились и новые, по существу *психологические* концепты. Исследователи начинали совсем в новом свете интересоваться вопросы отношения аффекта к общей активности и ее структуре, к вербальному поведению, к общим формам регуляции человеческой деятельности; он начинал подходить к его изучению, ставя вопросы о его *структуре*, об отдельных его типах и слоях, о его влиянии на социальную деятельность человека. Те проблемы, которые были немыслимы или несущественны при физиологическом рассмотрении аффекта, выдвигаются на первый план при его рассмотрении в психологическом аспекте⁹.

⁷ Cannon W. B. The James-Lange theory of emotions: a critical examination and an alternative theory // American Journal of Psychology, 1927, 39, 106–124.

⁸ Павлов. И. П. Указ. соч.

⁹ Употребляя термин «психологический», мы отнюдь не мыслим себе обязательно субъективного изучения аффектов. Мы просто хотим этим сказать, что сама проблема аффекта вводится в систему изучения личности и ее активного поведения.

У целого ряда психологов мы встречаем позиции, вводившие аффект в систему активного человеческого поведения, а его изучение – в систему целостной психологии. Дьюи¹⁰ был, пожалуй, первым, который указал на тесную связь эмоции и активности человека, выдвинув положение, что эмоция проявляется при задержке человеческой активности; к этому взгляду в основном присоединились в своих исследованиях и Уотсон¹¹, Кантор¹², Марстон¹³ и Маккерди¹⁴. Они в своих фундаментальных исследованиях также указывали, что эмоциональное поведение существенно зависит от того, насколько свободно происходит отток напряжения, которое создается в нервном аппарате в результате тех или иных условий. Наконец, К. Левин¹⁵ в целом ряде блестящих исследований пытается наметить более четкие соотношения между процессами напряжения, успешного разряда и аффективностью.

Все это создает для психолога, изучающего аффект, достаточно прочный теоретический фундамент и заставляет констатировать, что уже намечаются тенденции к сближению точек зрения на этот вопрос.

Однако, если в теоретическом взгляде на аффект как своеобразную форму поведения, бесспорно, начинают устанавливаться некоторые общие точки зрения, то конкретные исследования оказываются здесь в значительной степени отстающими.

В самом деле, если аффект является судьбой активности, то и от конкретных исследований мы должны ждать, что именно это положение ляжет в основу экспериментального изучения аффекта и что исследование дезорганизации человеческого поведения пойдет именно по пути изучения аффекта как формы человеческой активности. Однако именно этого мы, к сожалению, до сих пор не видим. Психологический эксперимент оказался здесь консервативнее психологической теории, и психологи десятков лабораторий продолжают заниматься описанием отдельных характерных для аффекта симптомов дыхания, пульса, мимики, психофизиологических феноменов, совершенно не заботясь о том, чтобы изучить роль этих отдельных моментов в общей динамике поведения и связать это изучение с участием тех систем, которые, бесспорно, играют в организации поведения и в его дезорганизации решающую роль.

Мы попытаемся пойти именно по этому пути и изучить симптомы, механизмы и динамику аффекта как одной из существенных форм дезорганизации человеческого поведения. Мы попытаемся специально задуматься над условиями возникновения этой дезорганизации, над теми системами, которые играют в ней решающую роль, и обратимся к физиологическим процессам с методологией психолога, ни на минуту не забывая, что мы изучаем структуру и функцию человеческого поведения.

2. Пути исследования

Задача нашей работы сводится к тому, чтобы изучить как можно детальнее механизмы дезорганизации человеческого поведения и установить некоторые законы, которым они подчи-

---

¹⁰ Dewey J. The theory of emotion // Psychological Review, 1894, vol. I; 1895, vol. II.

¹¹ Watson J. B. Psychology from the standpoint of a behaviorist. – Philadelphia: Lippincott, 1919.

¹² Kantor J. R. Principles of psychology. 1924–1926. The psychology of feeling and affective reactions // American Journal of Psychology, 1923; An attempt towards a naturalistic descriptions of emotions // Psychological Review, 1921.

¹³ Marston W. M. Emotions of normal people. – New York, 1928.

¹⁴ MacCurdy J. T. The psychology of emotion. – New York: Harcourt, Brace, 1925.

¹⁵ Lewin K. Vorsatz, Wille und Bedürfnis // Psychologische Forschung, 1926, Bd. 7(4); Lewin K. Die Entwicklung der modernen Willenspsychologie und Psychotherapie. 1929.

няются. Мы заранее можем предполагать, что распад поведения при аффективных процессах или при неврозе не всегда является одинаковым, что он имеет некоторые типические формы и следует своим правилам; дезорганизация поведения также имеет свою структуру, и ее мы должны изучить с тем же вниманием, как и структуру организованных психологических процессов. Задача эта оказывается далеко не простой, и мы стоим перед необходимостью определить те пути, которые приведут нас к удачному ее разрешению.

Мы сразу же должны отвести попытки субъективного изучения поставленных перед нами задач. Эмпирическая психология, пытавшаяся познать детали аффективных процессов путем углубленного самонаблюдения, дала прекрасные описания отдельных эмоциональных состояний, но оказалась совершенно бессильной создать какую-нибудь твердую почву и для описания механики аффектов, и тем более для их каузально-динамического объяснения. Бесплодность идеалистической психологии, пожалуй, больше, чем где-либо, сказалась на изучении эмоций и аффектов, и детальное описание отдельных «душевных проявлений», пожалуй, ни на шаг не продвинуло вперед наших реальных знаний о механизмах человеческого поведения, «выведенного из равновесия».

Совершенно понятно, что бесплодность чисто субъективного анализа не могла не толкнуть психологов на то, чтобы путем изучения «сопровождающих аспектов» телесных явлений изучить структуру и динамику аффективных процессов. Тот шаг, который сделал в свое время В. Вундт, обратившись к аффективной психофизиологии, был огромным принципиальным сдвигом в истории психологической науки; однако ряд десятилетий, прошедших с первого применения физиологической методики изучения аффектов, показал, что хотя в попытке Вундта была значительная методологическая новизна и хотя примененная им методика была огромным революционным сдвигом, она не могла не привести к безнадежному тупику.

Обратившись к физиологическим путям исследования эмоций, Вундт, в сущности, не оставил своих принципиальных феноменологических установок и подошел к этому вопросу с теми же методологическими принципами, которые руководили им во всех его психологических исследованиях. Основная методологическая позиция большинства психологов той эпохи заключалась в признании того, что психолог должен прежде всего *описывать* известные наблюдающиеся им состояния и подвергать их некоторому субъективному анализу; с другой стороны, в разложении наблюдаемых явлений на элементарные составные части психологи, как и естествоиспытатели той эпохи, видели свою основную задачу. Эта мозаично-описательная установка оказалась пагубной для психологии, затормозив ее развитие на несколько десятков лет; обычная работа психолога заключалась в перечислении отдельных явлений, сопровождающих тот или иной психологический процесс, в надежде, что со временем эти отдельные явления будут «увязаны друг с другом» и приведут к некоторому обобщающему теоретическому положению, в лучшем случае – к объяснению описываемых явлений. Проблема структуры целого процесса обычно пропадала за эмпирическим описанием отдельных явлений и симптомов, и объясняющая теория почти во всех трудах психологов-эмпиристов была фатально отделена пропастью от наблюдавшихся фактов.

В исследовании аффективных процессов этот же путь проявился с особенной рельефностью и повел к установлению того взгляда на механику аффективных процессов, который лег к основу вундтовской физиологической методики изучения эмоций. Этот взгляд сводится к тому, что мы могли бы выразить в парадоксально звучащем положении: аффект не есть акт поведения, а есть реакция на ряд физиологических симптомов. Это получило свое наиболее яркое развитие в периферической теории эмоций.

Наблюдая эмоциональные процессы, авторы видели, что они обуславливают ряд «параллельно протекающих» явлений: ускорение или замедление ассоциаций, изменение дыхания, частоты пульса, кровенаполнения сосудов. Пытаясь физиологически объяснить происхождение аффекта, позитивно настроенные авторы обычно и обращались к этим явлениям, отноше-

ния которых друг к другу они знали еще очень плохо, но которые казались им источником аффективных состояний. Это утверждение послужило основой периферической теории эмоций, и аффект начал описываться как «совокупность известных двигательных иннерваций и вегетативных симптомов».

Периферические симптомы эмоций начали исследоваться уже очень давно, однако их изучение не привело ни к каким сколько-нибудь ясным результатам. Несмотря на множество попыток видеть в частных физиологических симптомах адекватное отражение аффективного процесса, все попытки установить единую и четкую картину физиологии эмоциональных состояний, производя точное измерение дыхания, пульса, кровенаполнения, оказались явно неудачными. Одни и те же аффекты давали у разных авторов далеко не одинаковые симптомы, сопровождаясь неустойчивыми, часто совершенно разными комбинациями физиологических изменений; попытки *Вундта*, а затем и ряда других авторов спасти положение чрезвычайным усложнением теории эмоций также не сделали физиологические симптомы более прочной базой для изучения аффекта, и последние сводки полученных в подобных опытах данных¹⁶ в лучшем случае позволяют говорить, что аффект связан с некоторой дезорганизацией нормального течения вегетативных процессов.

Наиболее серьезным дефектом всех попыток изучить аффективные процессы путем описания отдельных физиологических симптомов оказалась, однако, полная невозможность сопоставить эти симптомы с особенностями *поведения* человека и создать заключение о какой-нибудь определенной *структуре психологического процесса*. В самом деле, давали ли констатированные физиологические симптомы возможность что-либо сказать о степени активности или пассивности данного процесса, о том, лежит ли в его основе некоторый конфликт или же переживание является следствием внешней травмы, проявляются ли здесь какие-либо колебания субъекта или же процесс характеризуется длительной и равномерной дезорганизацией? Конечно, данные вопросы не могли найти в физиологических симптомах никакого отражения просто потому, что эти процессы лежали совершенно в иной плоскости, чем поставленные нами проблемы; мы задавались вопросом о судьбе и структуре поведения и пытались найти ответ в анализе отдельных частных физиологических изменений, которые, *являясь продуктом общих изменений в поведении, могли быть, однако, поняты лишь из общей структуры всего этого процесса*.

Именно это последнее утверждение резко меняет наше отношение к сопровождающим физиологическим симптомам. Считая их *вторичными моментами*, которые появляются как результат общих изменений в поведении, мы тем самым ставим их в зависимость от структуры этого поведения и совершенно не удивляемся тому, что при изменении структуры соотношение отдельных вегетативных симптомов может оказаться совершенно иным. Наоборот, всякие попытки изучить структуру аффективной дезорганизации поведения без изучения судьбы и изменений самого поведения начинают казаться нам довольно бессмысленным начинанием, которое во всяком случае не может привести ни к каким удачным результатам просто потому, что основной ведущий фактор, продуцирующий эти вторичные изменения, остается неизученным; именно поэтому попытка понять отдельные вторичные симптомы, имеющие разное значение при различной структуре поведения, лишается смысла и заранее обрекается на неудачу.

Совершенно естественно, что все наше внимание, ранее сосредоточенное на отдельных физиологических симптомах, переносится на исследование *изменений структуры поведения при аффекте*; от наблюдения периферических симптомов мы обращаемся к изучению структуры центральных процессов, и именно в них рассчитываем найти ключ к более полному пониманию всей дезорганизации поведения.

---

¹⁶ Ср. Lowenstein O. Die experimentelle Hysterielehre. – Bonn, 1923.

В таком обращении к центральным процессам мы идем совершенно в ногу с передовой современной физиологией. Работы У. Кеннона¹⁷, представляющие исключительный интерес, экспериментально показали, что полное отделение висцеральной нервной системы не дало, однако, выпадения эмоций и что оперированное животное продолжало выявлять резкие признаки аффективного поведения несмотря на то, что висцеральная сфера в этом не принимала никакого участия. Эти опыты с убедительностью показывают, что физиологические изменения, обычно изучавшиеся как основные для аффекта процессы, на самом деле являются лишь вторичными и сопровождающими процессами, выпадение которых не является решающим для судьбы аффекта. Конечно, как для теории Джемса – Ланге, так и для обычной физиологической методики, пытающейся изучить аффективное поведение на основании учета единичных вторичных симптомов, эти эксперименты являются убийственными, и научная мысль получает мощный импульс, чтобы перейти на другие пути в изучении аффективных переживаний и аффективного поведения.

Исследование, отрывающееся от *активных процессов поведения*, мы считаем наиболее адекватным для изучения аффекта и аффективной дезорганизации. Только в изменениях активных форм деятельности человека мы можем надеяться найти адекватные отражения той структуры аффективных процессов, изучением которых мы интересуемся. Целый ряд мотивов толкает нас на этот путь.

С одной стороны, это ряд соображений каузально-динамического порядка. Мы исходим из того положения, что аффективная дезорганизация поведения связана интимными нитями с судьбой активных процессов, аффект наступает тогда, когда что-нибудь случается с организованным проявлением активности; поэтому было бы совершенно резонно надеяться получить наиболее адекватную структуру аффективного процесса, именно прослеживая судьбу и структуру связанной с ним активной деятельности.

Второе соображение непосредственно следует из первого: лишь система активного поведения – речевого или моторного – окажется в состоянии выявить действительную *структуру* изменяющегося под влиянием аффекта поведения. Все интересующие нас моменты, которые никак не могли отразиться в физиологических симптомах, получают свое полное отражение в структуре активных «произвольных» актов.

Мы с наглядностью можем проследить здесь колебания и конфликты испытуемого, активный или пассивный характер его реакций, нарушение процесса и овладение им; сложный, направленный на известную внешнюю деятельность характер поведения позволит нам с известной точностью судить не только об общем характере нарушений, но и о том, где, в какой системе активности, в какой ее фазе (начальной, интенционной, или заключительной, моторной) произошли те изменения, которые вызвали характерную дезорганизацию поведения. Векторный характер «произвольной» моторики, ее неизменная направленность в определенную сторону дает возможность выразить структуру происходящих в психологическом процессе изменений с максимальной адекватностью. Мы встаем здесь, следовательно, на новые рельсы в исследовании аффективных процессов, замещая изучение симптомов исследованием структуры и меняя путь физиологический на путь психологический¹⁸.

¹⁷ Cannon W. B. et al Some aspects of the physiology of animals surviving complete exclusion sympathetic nerve impulses// American Journal of Physiology, 1929, 89, 84—107.

¹⁸ Мы отнюдь не понимаем под психологией науку, изучающую субъективные состояния; существенным для нас является здесь то, что она изучает поведение личности, целостные структуры, механизмы и приемы такого активного поведения.

Формулируя задачу изучения структуры и динамики процессов дезорганизации человеческого поведения, мы должны целиком встать на путь психологического эксперимента: мы должны, с одной стороны, вызвать центральный процесс дезорганизации поведения, с другой – попытаться отразить этот процесс в какой-нибудь доступной для изучения системе; такой системой, объективно отражающей структуру скрытых от непосредственного наблюдения нейродинамических процессов, прежде всего является *моторика*, и мы используем моторику как систему, отражающую структуру скрытых психологических процессов; таким образом, мы принимаем *сопряженную моторику* в качестве нашей *основной методики*.

Моторика человека служила предметом изучения большого числа авторов; они составляют две большие группы: для одних (например, *Хамбургер, О. Фостер, Р. Магнус, К. Клейст, М. О. Гуревич*, отчасти *Г. Леви*) движение является предметом, целью их исследования. Задача, которую эти авторы ставят перед собой, сводится к тому, чтобы проследить развитие движений, координаций и двигательных формул, их нарушение при некоторых заболеваниях нервной системы; они изучают моторику физиологически, как одну из составных частей жизнедеятельности организма, часто скрывающую в себе симптомы глубоких и серьезных нарушений нервной системы.

Другая группа исследователей стоит на ином пути. Для нее моторика человека не цель, а лишь средство изучения сложных психофизиологических процессов, им интересна структура движения не сама по себе, а лишь как отражение некоторых скрытых от непосредственного наблюдения изменений; поэтому не все особенности моторики, а только те из них, которые стоят в непосредственной связи с этими психологическими изменениями, представляют интерес для исследователей этой группы. Таких взглядов придерживаются *Р. Зоммер, О. Лёвеништейн*, отчасти *М. Иссерлин* и *Э. Крепелин*, отчасти *Лерман* и *К. Н. Корнилов*, которые стояли на этом пути. Сюда же примыкают и те исследователи, которые в отдельных частных проявлениях (например, в почерке) старались найти отражение сложных психологических процессов.

Если первая группа авторов отличалась особенно подробно разработанным неврологическим анализом моторики, то вторая, для которой моторика была лишь дверью к познанию интересовавших ее процессов, обычно обставляла анализ моторных индикаторов гораздо слабее, и некоторые из упомянутых нами исследователей располагали лишь очень слабой технической базой. Однако это не лишало их работы принципиальной ценности, потому что в этом случае отнюдь не структура движения сама по себе, но лишь отражение в нем сложных психологических процессов являлось центральным предметом исследования. Однако, перенося центральный момент исследования на отражение скрытых психологических процессов, эта постановка вопроса одновременно делает исследование и более сложным: проблема отличия моторных изменений, которые являются продуктом психологических влияний, от тех, которые являются результатом органических особенностей деятельности, встает здесь со всей определенностью и может быть решена лишь очень осторожным и детальным сравнительным анализом.

Наша работа целиком примыкает ко второй группе исследований. Нас в очень незначительной степени интересует моторика субъекта сама по себе; мы совсем не будем заниматься конституциональным и типологическим анализом различий в движениях; плавность или угловатость, координированность

и неловкость, интенсивность и быстрота движений совсем не будут интересовать нас, поскольку эти вопросы не связаны с проявлением структуры психологических процессов. В нашем исследовании мы все время будем встречаться с изучением моторики, но моторика будет служить для нас лишь путем к изучению скрытых психологических процессов, лишь системой, отражающей их структуру; поэтому, не являясь типологическим, наше исследование является функциональным.

Основная задача этого исследования – выяснить законы дезорганизации человеческого поведения, условия, при которых она возникает, и приемы, с помощью которых она преодолевается. Поэтому мы должны изучать структуру распада и восстановления этого поведения на каких-нибудь отрезках, входящих реальной составной частью в это поведение. Мы отказались от того, чтобы изучать отражение структуры дезорганизации поведения на отдельных изменениях вегетативной деятельности; мы с такими же мотивами откажемся от пути, на который встали физиологи нервной системы, и не положили в основу нашего метода исследование того, как изменяются рефлекс под влиянием общих нарушений в структуре поведения. Исследование рефлекторной деятельности, взятое само по себе, так же мало способно отразить структуру изменяющегося поведения человека, как и изолированное исследование вегетативных систем; рефлекторные движения, составляя, быть может, генетическую основу поведения, входят в состав активного поведения лишь как *снятые категории*, которые определяются сложнейшими установками и механизмами личности и в активном поведении уже существенно теряют свое самостоятельное значение. Исследовать отражение структурных изменений в поведении на элементарных рефlekсах значило бы ставить исследование в очень невыгодные условия, заставляя сложнейшие процессы отражаться в неадекватно-элементарных, обладающих лишь немногими измерениями и поэтому совершенно не приспособленных для такой отражающей функции.

Изучая объективные формы отражения сложных центральных изменений, мы вовсе не имели в виду выразить эту сложную структуру дезорганизации человеческого поведения в элементарных единицах. Такое сведение было бы бессмысленно и в корне противоречило бы нашей основной методологической установке. Мы считаем, что адекватное может быть удачно выражено только в адекватном и что структура нарушений поведения может быть выражена лишь в доступном для изучения отрезке поведения, который включал бы в свой состав все те основные механизмы, основные инстанции, которые присутствуют и во всем поведении.

Мы приходим к выводу о необходимости взять за основу нашего изучения *произвольное движение* и, включив его в известную экспериментальную систему, пытаться именно на нем изучить характерные для дезорганизованного поведения изменения. Совершенно понятно, что аффект вносит в произвольную двигательную сферу резкие изменения; если аффект будет не случаен по отношению к изучаемому нами отрезку поведения, а имманентен ему, если нам удастся вызвать известную дезорганизацию поведения *в пределах изучаемой нами системы поведения*, то нарушения будут совершенно произвольно и совершенно обязательно отражаться на регистрируемом нами отрезке. Мы будем изучать *непроизвольные нарушения произвольных движений* и будем считать это наиболее адекватным путем к возможно более полному пониманию дезорганизации поведения человека.

Одно существенное сомнение может быть вызвано этим нашим желанием взять за основу изучение произвольных движений, на фоне которых будут происходить непроизвольные изменения. Для того чтобы успешно решить эту задачу, совершенно необходимо отделить эти непроизвольные изменения от произвольного фона. Короче, необходимо, чтобы этот фон был совершенно устойчив, однако у многих патофизиологов может возникнуть

серьезное сомнение в том, отвечает ли этим требованиям произвольное движение. В самом деле, уже его название указывает на некоторый произвол, некоторую неустойчивость; создается впечатление, что мы строим наше исследование на песке и что получаемые нами произвольные движения окажутся каждый раз настолько различными, что мы будем не в силах выделить некоторый устойчивый фон, на котором отдельные вносимые аффектом изменения были бы достаточно заметны.

Опыт показывает, однако, совершенную необоснованность такого предположения. Произвольное движение оказывается ничуть не менее правильным и ничуть не менее устойчивым, чем рефлекторное, и в некоторой степени даже в чем-то само механическое движение принимается всегда за образец устойчивости и точности. Правда, в одном отношении есть существенное различие между механическим движением и движением органическим, особенно движением произвольным. В то время как механическое движение, происходящее в одинаковых условиях, всегда полностью сохраняет одну и ту же форму, органическое движение, бесспорно, обладая большей пластичностью, при одних и тех же условиях может в отдельных деталях отклоняться от идентичной формы, оставаясь, однако, совершенно идентичным по своей схеме, по своей основной «двигательной формуле». Наличие такой «двигательной формулы» является признаком, характерным для всякого произвольного движения, и изменение этой обычной двигательной схемы является не более произвольным, чем изменение формы какого-нибудь механического движения. Если в схеме движения что-нибудь изменилось, мы с уверенностью можем искать известные органические или функциональные условия, изменившие эту схему; именно поэтому анализ произвольных движений может явиться путем к достаточно точной диагностике скрытых нарушений нервного аппарата и изменения тех условий, в которых нервный аппарат исполняет свою работу.

Произвольное движение по своей схеме оказывается значительно более устойчивым, чем мы могли бы предполагать, и с этой точки зрения оно оказывается не менее пригодным в качестве основного фона для изучения вносимых дезорганизацией поведения нарушений, чем любое произвольное движение; сомнения в его устойчивости могут отпасть при первом же анализе материалов. На рисунке 1 мы приводим циклографическую запись трех движений удара, сделанную на одной и той же фотографической пластинке. Мы нарочно взяли пример довольно сложного произвольного движения, в котором могли бы ожидать максимальной вариативности и неустойчивости его формы; однако эта иллюстрация показывает нам, что дело обстоит совершенно иначе: три сложных произвольных движения оказываются совершенно идентичными по схеме, по своему построению и так накладываются друг на друга, что мы оказываемся часто почти не в состоянии различить их на одной записи. Те незначительные отступления, которые мы находим между траекториями этих трех движений, нас ничуть не смущают, потому что они являются не нарушением схемы, а лишь незначительной вариацией в ее осуществлении, ничуть не изменяя основной «двигательной формулы».

Если так обстоит дело со сравнительно сложным произвольным движением, то с простыми движениями дело обстоит значительно яснее, и ряд последовательных реактивных движений (скажем, движений пальцем) одного

и того же испытуемого оказывается обычно настолько устойчивым, что даже детальный анализ показывает полное сохранение их основной формы.

Соображения о неустойчивости произвольных движений оказываются ложными, и мы с достаточной уверенностью можем брать их за основу своего изучения.

Рис. 1. Циклограмма трех движений удара

Мы указали выше, что, желая проследить структуру внутренних, недоступных для непосредственного наблюдения изменений, мы можем уловить ее отражение в произвольной моторной сфере и что существенное условие этого таково: изучаемый нами центральный процесс, в котором происходит интересующая нас дезорганизация, не должен быть чем-то посторонним для отражающего моторного процесса. Мы должны найти такую систему деятельности, которая включала бы в себя и центральный процесс, подвергаемый аффектом дезорганизации, и моторный процесс, который был бы в состоянии отразить эту центральную деятельность и ее судьбу не как нечто постороннее, но как определенную сторону, включенную в одну общую с ним структуру. Только при условии *вхождения центрального, изменяющегося и моторного,*

отражающего процесса в одну общую структуру мы можем надеяться адекватно отразить в этом доступном для изучения ряду все происходящие скрытые изменения.

Мы находим такую возможность в *принципе активного сопряжения центральной и моторной деятельности*. Действительно, если мы свяжем в единой активной системе две стороны – центральную и моторную, мы можем рассчитывать, что каждое центральное изменение необходимо отразится прежде всего именно в той моторной системе, которая составляет с ней единое целое, и только вторично вызовет известные изменения в тех физиологических системах, на фоне которых оно протекает. Такое выделение единой динамической структуры, включающей в себя скрытую для непосредственного изучения центральную сторону и доступную для объективной регистрации моторную, является основой сопряженной моторной методики, с помощью которой мы добыли основные материалы, занимающие нас в этой книге¹⁹.

Мы с большой легкостью можем создать модель такой единой системы активности, в которой характер и судьба одной скрытой стороны отражалась бы в структуре открытого для непосредственного экспериментального анализа объективного процесса. Для этого оказывается вполне достаточным дать испытуемому следующую простую задачу: он должен ответить на предъявленное ему слово первым пришедшим в голову речевым ответом и одновременно с ним нажать пальцами правой руки на приемник лежащего перед ним аппарата. В этом случае мы возбуждаем у нашего испытуемого две системы активности, которые связываются между собой настолько близко, что становятся двумя одновременно протекающими сторонами одного и того же процесса. В самом деле, предложение сказать в ответ на предъявленное слово какое-нибудь другое слово возбуждает у нашего субъекта некий центральный процесс очень сложного порядка, близкий к речевой системе; подвергая психологическому анализу его сущность, мы в отдельных случаях можем называть его ассоциативным процессом, в других – говорить о примитивном суждении, в третьих – о некоторой дезинтеграции с восстановлением целого образа по предъявленной в слове детали или воспроизведению некоторой другой детали, входящей вместе с предъявленным в слове раздражителем в один и тот же образ. Нас мало занимает сейчас феноменологическая сущность этого процесса²⁰; существенным для нас представляется то, что мы вызываем здесь определенный сложнейший нейродинамический процесс, скрытый от непосредственного наблюдения и через некоторый период времени ведущий к речевому ответу. Этот нейродинамический процесс может быть иногда вполне организованным, упорядоченным и правильным; иногда он может встречать на своем пути известные затруднения, перерастать в конфликт и обнаруживать известную дезорганизацию; совершенно понятно, что нейродинамический процесс, лежащий в основе привычного ассоциативного ответа, существенно отличается от того, которым характеризуется интеллектуальный процесс, полный затруднений и колебаний, осложненный аффективным тоном или проходящий через оттеснение подготовленных к реакции, но почему-либо признанных непригодными ответов. Во всех этих случаях структура нейродинамического процесса будет, конечно, совершенно различна, но непосредственному и объективному анализу она оказывается недоступна. Наша

¹⁹ См.: Лурия А. Р. Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций // Проблемы современной психологии. – М., 1928, т. 2; Luria A. R. Die Methode der abbildenden Motorik bei Kommunikation der Systeme und ihre Anwendung auf die Affektpsychologie // Psychologische Forschung, 1929, Bd. 12.

²⁰ В другом месте мы попытались детально обосновать ту мысль, что в этом процессе, искони входившем в главу «ассоциации», мы, собственно, не имеем никакого ассоциативного процесса. Генетический анализ убеждает нас в том, что первичными формами здесь являются некоторые целостные активные речевые акты (кроме примитивных суждений); детальный анализ развитого процесса говорит о его структурном характере и о законах, решительно выходящих за пределы ассоциации, которые регулируют воспроизведение речевых образов. Нам кажется совершенно бесспорным, что детальное изучение закона оптических, речевых и интеллектуальных структур создаст для этих явлений несравненно более крепкую научную базу, чем во многом архаическое учение ассоциационизма. Подробнее об этом см. в специальной работе: Речь и интеллект в развитии ребенка / Под ред. А. Р. Лурии. – М., 1928.

задача и заключается в том, чтобы попытаться в эксперименте экстериоризировать, *вынести наружу эту структуру* и с помощью этого приема подвергнуть ее объективному анализу.

Именно такой цели служит сопряженная с речевым ответом моторная реакция. Связывая с речевым ответом моторную реакцию руки, мы, собственно, создаем систему, которая оказывается в состоянии объективно отражать всю динамику характерных для центрального нейродинамического процесса напряжений. Сливая их в единый интенциональный процесс, мы получаем все основания рассчитывать, что существенные изменения в этой скрытой от нас стороне процесса необходимо отразятся в открытой моторной его стороне и что *различные по своей нейродинамической структуре центральные процессы выразятся в соответственно различной структуре моторной кривой*. Именно это соединение обеих функций в единую активную систему позволяет нам думать, что каждое резкое колебание, каждая интенция к речевому ответу, а тем более каждый резко аффективный, дезорганизованный характер центрального процесса не останется без влияния на структуру сопряженной моторной реакции и что, анализируя ее, мы получим в наше распоряжение новые объективные средства для заключения о структуре внутренних нейродинамических процессов.

Нашу работу мы построили на применении сопряженной моторной методики, поэтому опишем несколько подробнее ту установку, которой мы пользовались.

Наш испытуемый сидел в удобном кресле перед столом, держа свои руки на специальных пневматических приемниках. Правая рука лежала на столе, упираясь кончиками пальцев в зажим пневматического приемника, левая во время опыта держалась на весу, также упираясь пальцами в аналогичный аппарат (рисунок 2 изображает эту ситуацию).

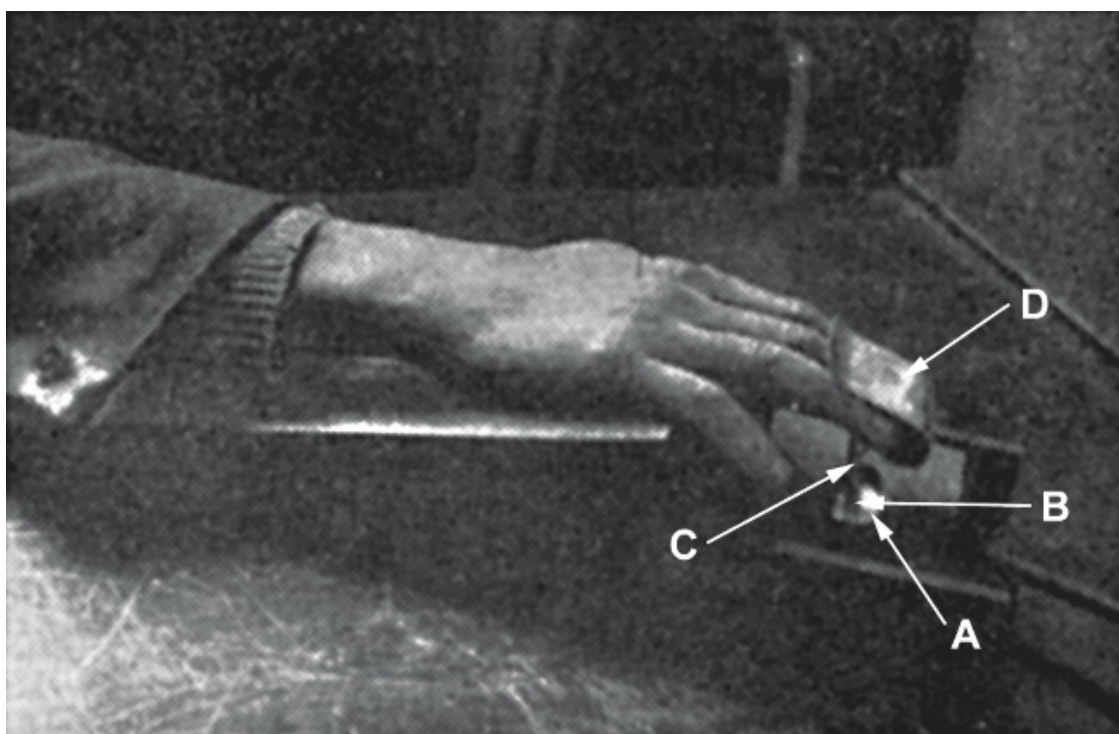

Рис. 2. Испытуемый в экспериментальной ситуации

В наших обычных экспериментах испытуемому давалось слово-раздражитель, на которое он должен был ответить другим словом (или первым

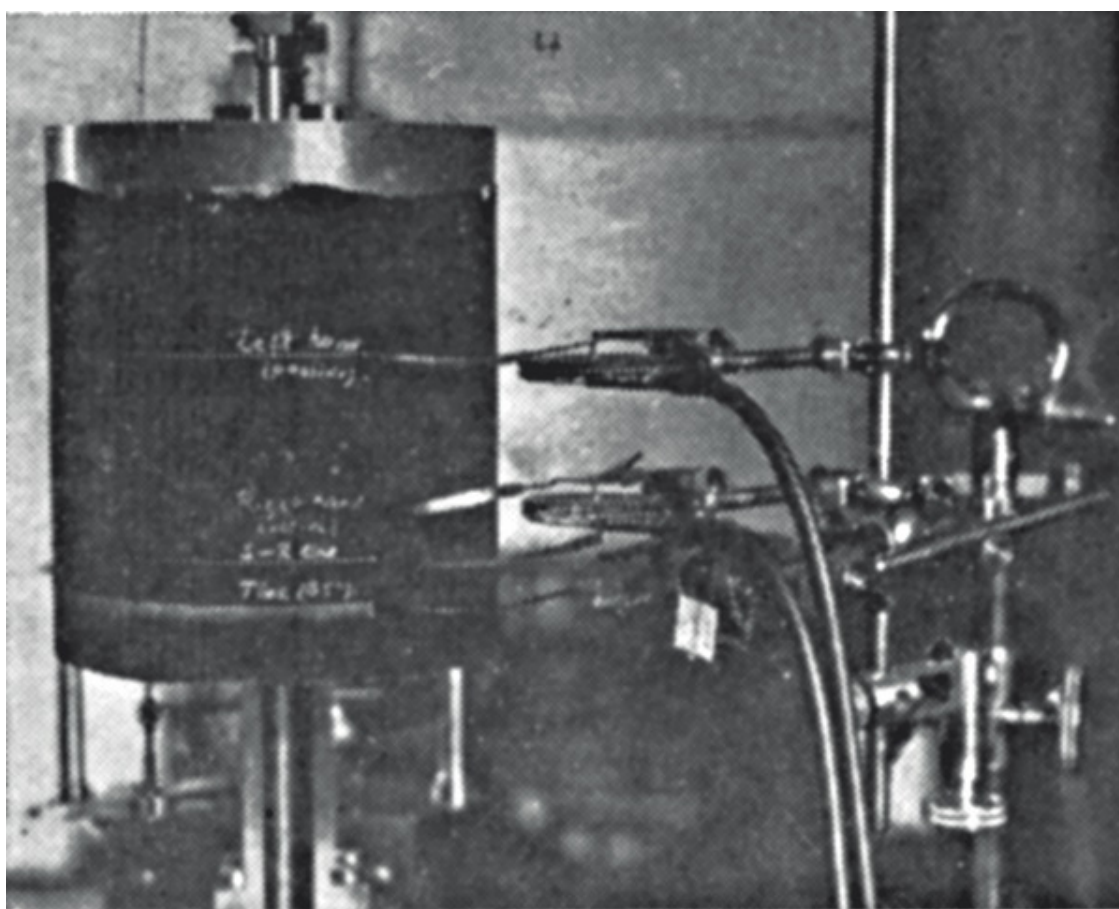
пришедшим в голову, или стоящим к первому в определенном отношении в зависимости от серии); одновременно с ответом он нажимал пальцами правой руки на пневматический приемник, соединенный с барабанчиком Марея; левая рука испытуемого все время оставалась пассивной, испытуемый держал ее на весу, не делал ею никакого движения. Момент подачи раздражителя регистрировался экспериментатором путем нажима ключа, соединенного через прерыватель Бернштейна с электромагнитным отметчиком; момент ответной реакции отмечался испытуемым, который своим голосом, с помощью чувствительной мембраны системы Ширского (Москва) размыкал ток и прекращал действие отметчика.

Пневматический приемник, которым мы пользовались для наших целей, был специально сконструирован нами и представлял собой (см. рисунок 3) овальную металлическую капсулу, вделанную в деревянный футляр и обтянутую резиной. На резину была наклеена алюминиевая пластинка (А), в середину которой был вделан стержень (В), имеющий посередине одноосный шарнир (С). Короткий стержень соединяет этот шарнир со специальным металлическим зажимом (D), в который испытуемый кладет 2–3 пальца, в то время как вся рука лежит на покатой поверхности деревянного футляра. Нажимая пальцами правой руки одновременно с речевым ответом, испытуемый тем самым производит давление на алюминиевую пластинку А, которая благодаря шарниру С всегда опускается в горизонтальном направлении. Так как своим весом рука испытуемого производит известное постоянное равномерное давление на капсулу, а пальцы испытуемого укреплены в зажиме D, то вполне понятно, что каждое незначительное дрожание руки может быть зарегистрировано этим аппаратом. Благодаря системе крепления пальцев каждый нажим может быть с помощью барабанчиков Марея записан соответствующей идущей вверх кривой, каждый отрыв руки, оттягивающий резинку приемника вверх, – соответствующей впадиной на кимографической записи.

Рис. 3. Пневматический приемник

Как сказано выше, правая (активная) рука помещалась на приемник, левая (пассивная) оставалась на весу; последнее осуществлялось для того, чтобы сделать ее положение менее устойчивым и использовать ее как более чувствительный реагент, отражающий, как мы увидим ниже, нейродинамическое возбуждение общим разлитым тремором. В то время как для регистрации нажимов правой руки нам служил обычный барабанчик Маррея, для регистрации левой мы обычно применяли соответствующий барабанчик с двойной передачей, позволявший регистрировать наиболее мелкие дрожательные движения в наиболее выразительном виде. В обычных наших опытах кимограф шел со скоростью 1 см = 1 сек; для отдельных контрольных серий скорость варьировалась.

Рис. 4. Регистрирующая часть установки

На ленте кимографа (вся регистрирующая часть установки дана на рисунке 4) мы получали, таким образом, запись, одновременно отражавшую три важных для наших опытов линии (мы приводим типичный отрезок на рисунке 5):

- А – отметка времени в пятых долях секунды;
- В – линия речевой реакции, где точно регистрируется момент подачи раздражителя и момент речевого ответа;

С – кривая активной, правой руки, которая оказывается в обычных опытах спокойной в латентный период и дает правильный нажим, сопряженный с речевым ответом;

Д – кривая пассивной левой руки, выражающаяся обычно в спокойной, осложненной небольшим равномерным тремором, линии.

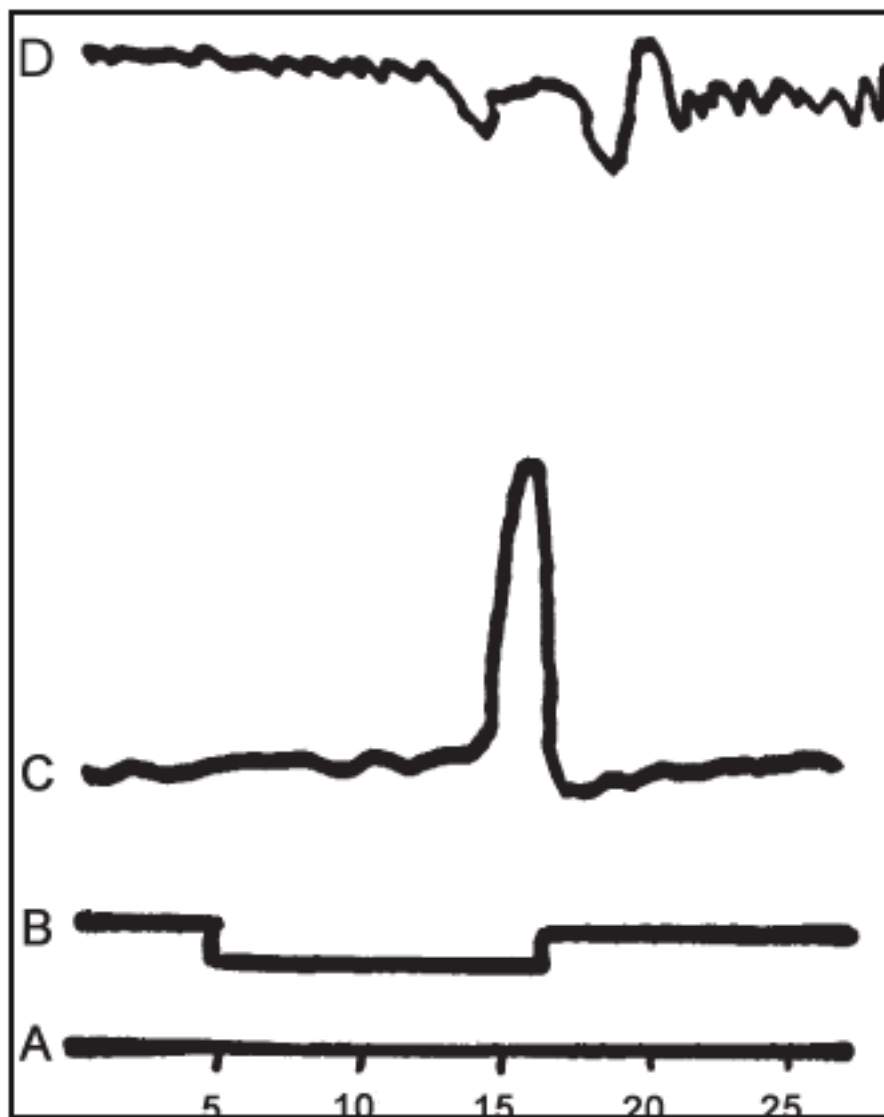

Рис. 5. Типичная запись опыта с сопряженными реакциями

А – отметка времени в пятых долях секунды

В – линия речевой реакции

С – кривая активной правой руки

Д – кривая пассивной левой руки

К этим трем кривым, отражающим интеллектуальный процесс, активную и пассивную моторную сферу, присоединяется иногда и четвертая – кривая дыхания или пульса, представляющая в цикле наших выразительных симптомов вегетативную систему. Мы получаем, таким образом, целую систему взаимно проверяющих друг друга признаков, изменения которых дают нам возможность достаточно полно изучить структуру вызываемых нами нейродинамических нарушений.

Мы покажем возможности принятой нами методики наилучшим образом, если остановимся на одном примере, который может служить для нас исходным; мы имеем в виду то, что можно назвать «загадкой латентного периода».

Структура латентного периода любой сложной реакции действительно представляла собою загадку для большинства психологов; казалось, что в изучении ее нет других путей, кроме субъективного, и что установление объективной нейродинамической структуры этого отрезка времени, пока реакция еще не выявлена вовсе, является безнадежной задачей.

Однако вопрос о том, какой процесс скрыт между моментом раздражителя и моментом открытого ответа, оставался решающим для психологии. Отказаться от разрешения его и признать, что мы

бессильны объективно установить, является ли реакция результатом спокойного планового процесса или латентный период связан с резким возбуждением и борьбой отдельных противоречивых тенденций, – признать это значило оставить надежды на то, что структура психологических актов когда-либо станет предметом действительно научного исследования.

Мы возьмем самый простой пример. На предъявленное слово «портрет» наш испытуемый отвечает словом «краски»; нам известно время его реакции и в нашем протоколе записан точный его ответ. Однако знаем ли мы структуру процесса, который привел его к этой реакции? Ведь в одном случае он может прийти к этому ответу непосредственно, вспомнив своего знакомого художника и его палитру с красками; в другом – данный им ответ может быть уже не первым, пришедшим ему в голову: слово «портрет» может напомнить ему человека, чей портрет он хотел бы иметь, но чье имя он не хочет произнести; он оттесняет появившуюся тенденцию ответить именем своей знакомой, подбирает другое слово, и тот ответ «краски», который мы получаем, на самом деле является лишь второй, замещающей реакцией, к которой наш испытуемый пришел после торможения предварительного, нежелательного для него ответа. Самонаблюдение испытуемого и соответствующий опрос иногда могут выявить такую структуру ассоциативной реакции; в других случаях, когда торможение первой реакции носит аффективный характер и связано с некоторыми неприятными для испытуемого, компрометирующими его воспоминаниями (а такие случаи представляют для нас особенный интерес), мы не имеем никаких оснований надеяться на откровенность нашего испытуемого и структура латентного периода остается для нас закрытой. В случаях, когда мы имеем перед собою преступника, не признавшего своей вины, или истерика, скрывающего свои аффективные комплексы, эти двери закрываются перед нами еще плотнее и надежда проникнуть в структуру латентного периода через субъективный анализ исчезает вовсе.

Однако и при наиболее полном и «честном» отчете испытуемого мы не можем считать свое положение достаточно благоприятным. Если мы можем в этом случае с достаточной полнотой узнать содержание оттесненного слова и мотива, толкнувшего на такое оттеснение, то самая нейродинамическая структура имеющего здесь место процесса не становится для нас более ясной. Сопровождался ли этот процесс известным нейродинамическим возбуждением или нет, была ли здесь налицо лишь общая интенция к произнесению какого-нибудь слова или оттесненный импульс был уже достаточно оформлен и почти дошел до своего моторного конца – все эти вопросы остаются недоступными для субъективного анализа, и самый подробный отчет не облегчает здесь положения экспериментатора.

Немного мы получаем здесь и от введения такого ряда сопровождающих симптомов, как дыхание, пульс, плетисмограмма, психогальванический рефлекс. В лучшем случае эти индикаторы указывают на наличие появившегося здесь общего аффективного тона²¹, но *структура*

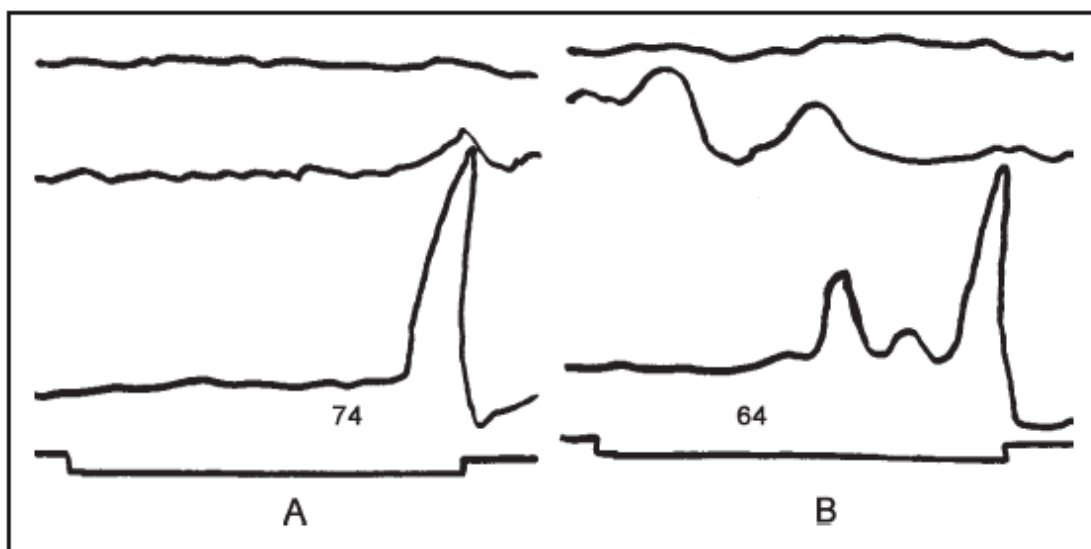
²¹ Ср. Binswanger L. Über das Verhalten des psychogalvanischen Phänomens beim Assoziationsexperiment; Jung C. G. Diagnostische Assoziationsstudien. – Leipzig, Bd. II, 1910; Smith W. W. The measurement of emotions, 1923; Lowenstein O. Die experimentierte Hysterielehre. – Bonn, 1923 и мн. др.

имеющего здесь место процесса остается невыявленной. Имело ли здесь место оттеснение первого пришедшего в голову слова или просто аффективное напряжение – это не может быть выявлено просто потому, что структура акта поведения не может быть выявлена в физиологических симптомах, не обладающих такой структурой.

Для объективного выявления такой структуры ассоциативного процесса мы должны связать его с некоторой произвольно-моторной деятельностью, которая должна полностью отражать его нейродинамику, и именно эту возможность мы получаем в нашей сопряженной методике.

Рисунок 6 дает пример того, как может отражаться структура латентного периода на характере сопряженного моторного процесса.

Рис. 6. Испытуемый М. Две реакции

А – книга – 7,4" – белая

В – полотенце – 7,3" – холстинное

Мы приводим здесь две реакции одного из наших испытуемых – М.; за два дня до опыта М. совершил убийство своей невестки и попал в нашу лабораторию уже после задержания. Ситуация убийства была нам точно известна: жертва сильно сопротивлялась и поранила М. руку; чтобы остановить кровь, он должен был взять висевшее на кухне полотенце, оторвать от него кусок и перевязать руку; с этой бесспорной уликой он и был задержан. Мы предъявляем нашему испытуемому два слова-раздражителя: одно из них безразлично ему («книга»), другое («полотенце») связано с наиболее острым моментом преступления. Мы получаем две реакции, почти одинаковые по времени и равно нормальные по характеру ответа: книга – 7,4" – белая; полотенце – 7,3" – холстинное.

Внешние признаки не дают нам никаких оснований говорить здесь о разной структуре обеих реакций, однако мы имеем все данные думать, что структура должна здесь быть совершенно различна и что ответ на последний раздражитель был не первым пришедшим в голову нашему испытуемому. Характер сопряженной моторики убеждает нас, что предположение было правильно: в то время как в первой реакции латентный период оказывается совершенно спокойным, во второй мы обнаруживаем моторную попытку к реакции, не дошедшую до конца, заторможенную, но достаточно ярко выраженную, и структура моторики говорит о двух зве-

ных реактивного процесса, из которых лишь одно, последнее, было выявлено в открытом речевом ответе, первое же было заторможено в речи и проявилось лишь в моторике.

Механика этого процесса является для нас достаточно понятной. Сопряженный моторный нажим оказался связанным не только с открыто произносимым ответным словом, но и с *тенденцией к речевому ответу*, и пришедшая в голову реакция проявилась в сопряженном моторном нажиме раньше, чем она была высказана, и раньше, чем она была заторможена. Сопряженная моторная реакция с ясностью указывает нам не только на наличие некоторых особенностей в нейродинамике латентного периода, но и дает нам данные *о структуре скрытого от непосредственного наблюдения процесса*.

Мы легко можем убедиться, что имеем перед собой действительно вполне адекватное отражение в моторике структуры нейродинамического процесса и что моторные «попытки к реакции» на самом деле являются коррелятами скрытых и невыявленных речевых звеньев.

Мы можем сопоставить получаемые нами в сопряженной моторике данные с данными субъективного отчета испытуемого, и такое сравнение покажет, в какой степени имеется здесь налицо соответствие структур. Рисунок 7 дает отрывок графического протокола, иллюстрирующий это положение. Мы даем одному из наших испытуемых слово-раздражитель «работа» и получаем реакцию: работа – 5,0" – ну, день...

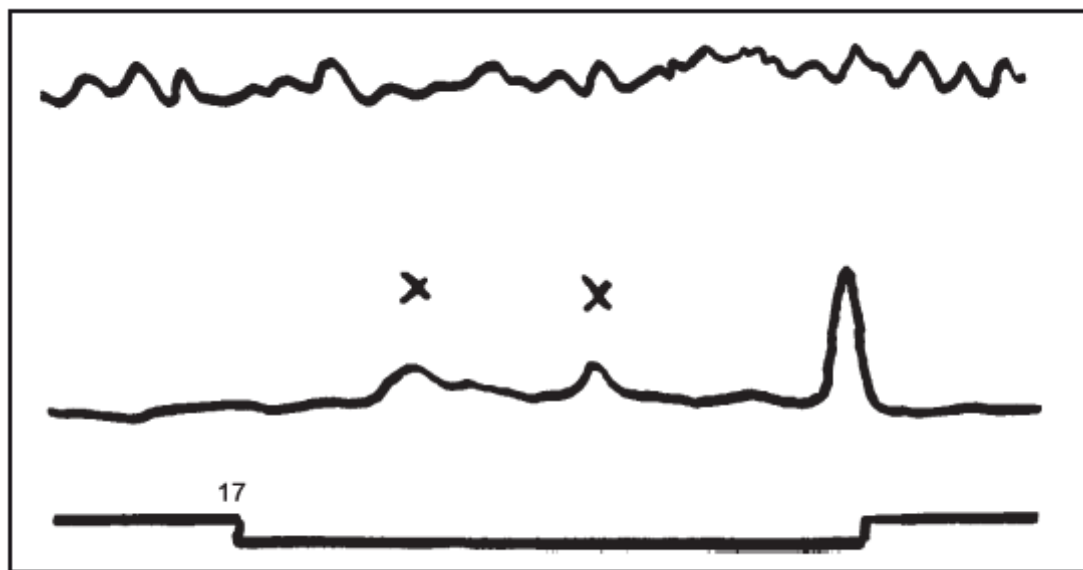

Рис. 7. Испытуемый Чер. (X – попытки реакции)

Отчет испытуемого указывает на структуру этой реакции:

«У меня сразу возникло слово “день”, но мне показалось, что оно слишком не связано с тем, которое вы мне сказали. Поэтому я сначала задержал его, но потом все-таки решил его сказать...»

Структура сопряженной моторной кривой с достаточной четкостью отражает характер отмеченного самонаблюдением процесса. Через 1 секунду после подачи раздражителя мы обнаруживаем легкий моторный нажим, тотчас же тормозимый, затем вторую такую же попытку, и лишь третий, уже полностью проявленный нажим связывается с проявленной внешне ответной реакцией испытуемого. Выразительность активной кривой становится полностью ясной, когда мы сравниваем ее с характером пассивной

кривой левой руки; взятая сама по себе, эта кривая оказывается совсем невыразительной и, конечно, не проявляет никаких признаков, указывающих на структуру имеющегося перед нами процесса.

Мы полностью убеждаемся в том, что моторика действительно отражает здесь структуру невыявленного вовне ассоциативного процесса, когда в экспериментальных условиях искусственно создаем такую структуру и после этого наглядно выявляем ее в моторике.

Мы можем внушить испытуемому, находящемуся в состоянии гипноза, что при предъявлении определенного слова-раздражителя ему придет в голову неприличное слово. Если гипнотическое состояние было достаточно глубоко, мы, бесспорно, получим реализацию нашего внушения. Испытуемому действительно придет в голову неприличное слово, но его воспитанность не позволит ему произнести его вслух, он отеснит его и даст нам другое слово, служащее в данном случае заместителем и подходящее для произнесения. Мы искусственно получим структуру реакции, напоминающую только что рассмотренную, и будем ждать, что сопряженная моторика окажется в состоянии объективно выявить ее.

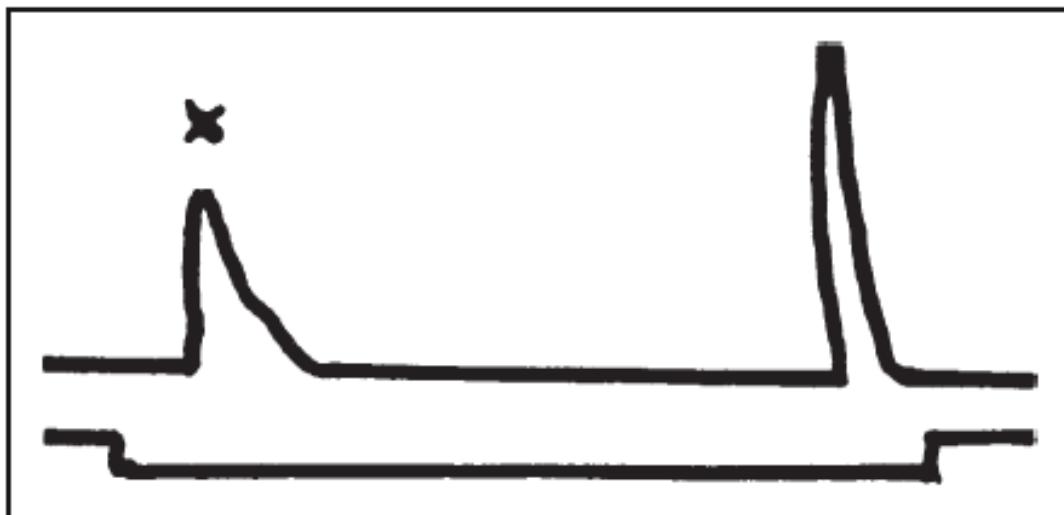

Рис. 8. Испытуемый Нер. Ответ с вытеснением первого звена соль – 6,6" – соль... доля!

Рисунок 8 приводит такой случай. Испытуемому Нер. в состоянии гипноза было внушено, что на предъявленное ему слово «соль» ему придет в голову неприличная ассоциация. В опыте мы получили весьма характерные данные: после ряда совершенно нормально протекающих ответов, предъявление критического слова дало нам реакцию:

17. соль — 6,6" – соль... доля! Сам не знаю почему...

Отчет испытуемого показал, что первое пришедшее ему в голову слово «было неудобно произносить», он задержал его и сказал первое попавшееся ему после этого. Сопряженная моторная кривая дает достаточно точное отражение этой структуры: через 0,8" после подачи раздражителя мы получаем резкий моторный импульс, быстро тормозящийся, и только через 6" следует окончательная, соответствующая открытому речевому ответу, реакция.

И здесь сопряженная моторная кривая оказалась в состоянии дать не только симптом наличия известного изменения в процессе, но и отразить достаточно адекватно его структуру.

В приведенных нами случаях сопряженная моторика оказалась системой, достаточно адекватно отражавшей наличие заторможенных и не выявленных вовне звеньев ассоциативного процесса; однако мы с уверенностью можем ожидать, что, выявляя структуру организованного процесса, она окажется в состоянии достаточно полно выявить и дезорганизацию его структуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.